ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

ЛЕНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Не так много в истории политических деятелей, имена которых знает весь мир. Буквально. Владимир Ильич Ульянов, взявший себе псевдоним Ленин – один из них. Человек с тяжелейшей революционной биографией, начавшейся со смерти его старшего брата, повешенного за подготовку покушения царя и закончившейся слабоумием, он воплотил свою мечту. А она была проста: построить в России социалистическое государство, первое в мире. Строительство это обернулось Гражданской войной, миллионами жертв, на которые он, одержимый своею идеей, внимания не обращал. Но он пережил свое государство, оставшись в нем заброшенными монументом в каждом городе и почти в каждой деревне.

- Борис Илизаров
  - Бросая взгляд из XXI века
  - Общий абрис
  - Глобально мысля о глобальном мире
  - А так был «открыт» капитализм в России
  - Вспоминая истоки
  - Любовь к женщине
  - Воинствующий философ-материалист
  - Как сошлись две партийные параллели
  - Был ли Ленин немецким агентом влияния?
  - «Апрельские тезисы» и июньские дни 1917 г.
  - Октябрь – как это было
  - Вождь гражданской войны
  - Конец
  - Главные даты жизни Владимира Ильича Ленина

Илья Николаевич Ульянов
Действительный статский советник
(26 июля 1831 – 24 января 1886)
Мария Александровна Ульянова
(6 марта 1835 – 25 июля 1916)
Ленин Владимир Ильич
Председатель Совета народных комиссаров
(6 июля 1923 – 21 января 1924)

Борис Илизаров
Председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин. 22 апреля 1870 – 21 января 1924

«Похоть власти Людовика XIV или Николая I есть такой же грех, как похоть власти Робеспьера или Ленина».

Николай Бердяев

Бросая взгляд из XXI века

В центре Москвы, на Красной площади, почти напротив Лобного места, в тени Кремлевской стены стоит красно-черная мраморно-гранитно-бетонная пирамида. Это гробница, это усыпальница, это Мавзолей В. И. Ленина. Первый раз я побывал в ее внутренней полости лет шестьдесят назад, в советское время. Помню длинную змеистую очередь, намертво застывших часовых у входа, сумеречный зал и – в лазоревом свечении – лик Ленина. Этот лик жил за хрустальным колпаком другой, не здешней жизнью. На детское сознание гробница производила особое впечатление: храм – не храм?.. Тем более когда рядом бредущие взрослые уверенно шептали: «Как живой!»

Позже, в студенческие времена, я был на экскурсии в музее-квартире Ленина в Кремле. Кабинет Ленина показался в общем-то обычным. Привлекла внимание скульптура сидящей на письменном столе обезьяны, с интересом разглядывающей человеческий череп (подарок американского предпринимателя Хаммера), и архаичный телефонный аппарат, прикрепленный к стене. Запомнилась и старинная этажерка с книгами. В жилом помещении еще более темная кухня с обилием явно не нужных кухонных принадлежностей, – довольно скромное жилье для «кремлевского мечтателя», не говоря уже – для кремлевского владыки. Тогда впервые почувствовал некоторый диссонанс между загробно-сказочной атмосферой Мавзолея и кремлевской обстановкой в квартире и кабинете.

Приняв предложение написать о первом большевистском вожде биографический очерк, я вскоре стал укорять себя за опрометчивость: что, собственно, нового могу рассказать о человеке, о котором за сотню лет написаны тысячи пропагандистских и научных книг, изданы сотни публикаций документов, сняты кинофильмы различных жанров? Даже то, что десятилетиями скрывалось за стальными дверями архивохранилищ, а точнее, в недрах спецхранов, уже в наше, в постперестроечное время было опубликовано и оценено. Выяснилось, что Ленин был жесток, циничен и даже кровожаден. Его кровожадность была иногда вполне конкретной и адресной, а иногда напускной и брюзгливой. Начались кампания за кампанией (они циркулярно возобновляются и в наше время), требующие выноса тела из Мавзолея и снесения кремлевского мемориала. Ныне вся мебель кабинета и музея-квартиры перенесены из Кремля в подмосковные Горки, туда, где хозяин доживал последние дни января 1924 г.

О Ленине писали еще при жизни, пишут сейчас и, конечно, будут писать в будущем. О нем писали известные мастера публицистической и художественной прозы или знавшие его лично, такие как Дж. Рид, Г. Уэллс, Л. Троцкий, М. Горький, Н. Крупская, Г. Зиновьев, И. Сталин… В СССР о нем были написаны десятки отлакированных, одобренных высшими партийно-государственными органами официальных биографий и подцензурных воспоминаний. В этом огромном, не поддающемся реальному измерению, потоке информации и литературы о Ленине можно выделить несколько серьезных исследований: это часто переиздаваемая с середины девяностых годов XX столетия биография Ленина, написанная Дмитрием Волкогоновым, – «Ленин. Книга 1 и 2. М., 1994» и сравнительно недавно переведенная монография английского историка Роберта Пейна «Ленин. Жизнь и смерть. М., 2002». Книга Волкогонова хорошо обоснована фактическим материалом, до того неизвестным для большинства историков. Он написал биографию Ленина по так называемому проблемному принципу, выделяя важные, с его точки зрения, вопросы. Книга Пейна выдержана в классическом жанре исторической биографии, когда жизнь и дела героя освещаются от начала, т. е. от рождения, и до конца, т. е. до смерти. Пейн больше опирался на материалы, собранные в течение XX века в европейских хранилищах.

Проходит время, и неизбежно появляется масса новой информации и необязательно из разверстых спецхранов. Россия, как и все человечество, живет своим чередом. За сотню лет после Ленина произошла масса событий, резко меняющих устоявшиеся оценки, казалось бы, навечно свершившихся деяний. Даже башни древней крепости взирают на нас не так, как они глядели на современников. Даже памятники из несокрушимого гранита покрываются щербинами и патиной, тем более хрупкий образ человека, передаваемый от поколения к поколению. Со временем, удаляясь от первообраза, он, как правило, приобретает все более обобщенные, все более схематичные черты. Теряя противоречивое разнообразие и живой объем, образ превращается в отретушированную фотографию, уплощается и вульгаризируется. К XXI веку все фотопортреты Ленина были отретушированы и в обработанном на компьютерах виде представлены согражданам. Я помню, что на подлинных ленинских фотопортретах была отчетливо видна заячья губа, небольшой врожденный дефект, из-за которого Ленин своеобразно картавил. На всех современных изображениях образ героя представлен без единого изъяна, даже без теней под глазами, даже без пигментных (розоватых) пятен на коже, столь характерных для огненно-рыжих людей. А Ленин был

редкого ярко-рыжего окраса, что в век черно-белой фотографии невозможно было передать. Что уж говорить о неординарных мыслях и делах загнанного в одномерное пространство героя. Из образа Ленина почти сто лет советской власти вытравляли все человеческое. Поэтому остаточные следы живого образа Ленина я все же попытался отыскать уже в наше время, сначала на Красной площади, а потом в современных подмосковных Горках.

Мавзолей на Красной площади в Москве.

У входа на тропинку прикремлевского кладбища – малочисленная группка людей, в большинстве своем иностранцы. Похоже, что место скорби и поклонения в наше время успело

превратиться в музей со своими экспонатами. Вот по ходу тропинки слева – коллективное захоронение жертв вооруженного противостояния в октябре 1917 г.; вот справа прикрепленные к стене стальные дощечки, за которыми замурованы урны с прахом Арманд, Горького, Маяковского и др.; дальше бюсты на высоких постаментах узнаваемых советских деятелей, а на земле, под ногами, их могилы в соответствии с бюстами. Сворачиваем по короткой тропинке к Мавзолею – над головой нависает гранитная ограда трибуны с надписью: «ЛЕНИН». На этой трибуне годами стоял Сталин и его соратники, а потом и прямые наследники. Ныряем в полуоткрытую дверь портала, крутая лестница вниз: в полумраке на высоком черном кубе-постаменте светится хрустальный гроб вождя, увешанный помпезными бронзовыми виньетками, бронзированными знаменами и другими тяжелыми украшениями. Вглядевшись в лик Ленина, я опешил и на минуту затормозил. Только теперь в полумраке склепа разглядел стоящих там и сям с десяток охранников, одетых в добротную зимнюю форму кремлевского гарнизона. Один из них подскочил ко мне, предлагая, не останавливаясь, продолжать двигаться вокруг гроба вождя по восходящей, а затем нисходящей лестнице черного гранита. Уже на выходе из склепа, проходя мимо белоснежного бюста Сталина и темноликих памятников его соратникам, я сообразил, чем меня так поразил облик Ленина. Это был действительно лик, это было не лицо, и оно было неживое! Неживое не той смертью, которой подвержены все люди, даже мумифицированные. Свет в склепе падал на вождя так неудачно, что с нижних ступенек было видно – это не лицо, а всего лишь раскрашенная маска; это было то, что во времена Московской Руси называли личиной. Так что же или кто скрыт ныне под этой маской? Пустота и лицевые кости давнего тлена? Очередной подкрашенный труп «дублера» в хрустальном гробу? А может быть, здесь, как и всегда, непостижимая тайна загробия? Или это высшая форма особенной земной жизни, которой удостаиваются величайшие сыны человечества? Нет, о Ленине известно далеко не все.

Общий абрис

Петроград – асимметрично расположенная столица ассиметрично раскинувшейся Российской империи, начинающейся за чертой оседлости цивилизованной Европы, ее восточного края, и охватывающей огромную пустынную северную часть древней Азии. Страна, в которой родился Ленин, живут сотни народов, звучат сотни языков, много религий, много несовместимых культур. Много всего: недр, полей, рек, лесов, гор, т. е. земли. Начиная с Ивана Грозного ни один правитель ни разу не сумел объехать всю свою страну целиком с запада на восток и с севера на юг, так она была велика и труднопроходима. По всем направлениям, кроме западного (на восток, на юг и на север), протянулись огромные, незаселенные и нетронутые человеческим трудом пространства. Но земли все равно не хватает, а потому война следует за войной.

Вот и в начале 1917 г. Российская империя уже четвертый год воюет вместе с европейцами и против европейцев одновременно, но и тем и другим своей земли, своих колоний, своих подданных мало. Алчность правит миром, миром правит капитал. В середине XIX века так думали и предвосхищали эпоху мировых войн за рынки сбыта, за передел мира великий философ и революционер Карл Маркс и его близкий соратник Фридрих Энгельс. Так думал марксист Ленин и его соратники, когда в Европе разразилась Первая мировая война. Все очевиднее, что военно-политический блок Антанта (союз России, Франции, Англии, США и др.) Германо-австро-венгеро-турецкий блок (Четверной союз) одолевает, но Россия раньше всех начала выдыхаться, и ее неизбежный крах стал ожидаем. В феврале 1917 г. прогнивший многовековой столп самодержавия рухнул, но Ленин не имел к этому никакого отношения.

Или почти никакого. Он всей душой желал конца империи, но и другие хотели ее развала и не менее страстно, чем он. Он лучшие годы своей молодости и зрелости положил на то, что бы настроить «массы», т. е. разноликих граждан своей родины, против ненавистного феодально-бюрократического строя. Он написал сотни злых, бранных, иногда талантливых статей, запуская свое стальное перо, как жало, в самые чувствительные места режима. Но кто только этим не занимался предыдущие сто лет, т. е. весь XIX век, и часто с большим, чем у Ленина, талантом и пониманием предмета? Во время революции 1905 г. он призывал к вооруженной борьбе: к метанию бомб в жандармов, к рассыпанию острых гвоздей под копыта лошадей казаков, к

вооружению народных масс чем попало, готовых убивать «буржуев и паразитов». Так и перечислял тех, кого надо убивать: буржуев, паразитов, жандармов, чиновников, попов… ряд был длинным.

До революции 1917 г. эти призывы больше походили на фигуры речи задиристого журналиста и редко выходили за рамки литературы. После революции ряд стал еще длиннее, а призывы настойчивее, более жаркими и все более реализуемыми практически. Это заслонило тот факт, что до октября 1917 г. многие шли гораздо дальше Ленина – пристреливали великих князей, царских министров и их родных, взрывали царей, призывали жечь помещичьи усадьбы с их обитателями. И взрывали, и жгли. А их, в свою очередь, вешали военно-полевые суды, осуждали на каторгу и полузвериную жизнь в сибирских ссылках; массово расстреливали мирные демонстрации.

В гимназические годы в кругу своей семьи. Симбирск, 1879 г.

В России конца XIX – начала XX века подтверждался приговор, вынесенный великим старцем Львом Толстым: насилие порождает еще большее насилие. И вопреки мнению писателя Александра Солженицына, что разваливавшее Россию «колесо» было однотонно «красным», на самом деле оно было неравномерно окрашено «красно-белым». До 1917 года белый государственный террор доминировал, но к 1917 году колесо прокрутилось, и красный цвет стал преобладать. Оба «цвета» были в равной степени разрушительными. Только позже, после Октября 1917 года, большевики узурпировали красный цвет и присвоили себе «честь» разрушителей империи. Многочисленнее

и радикальнее большевиков, более упорно боролись с самодержавием и не только словом, но и оружием, другие революционные партии и в первую очередь наследники народников и учеников Бакунина и Кропоткина: партия социалистов-революционеров и отдельные группы анархистов.

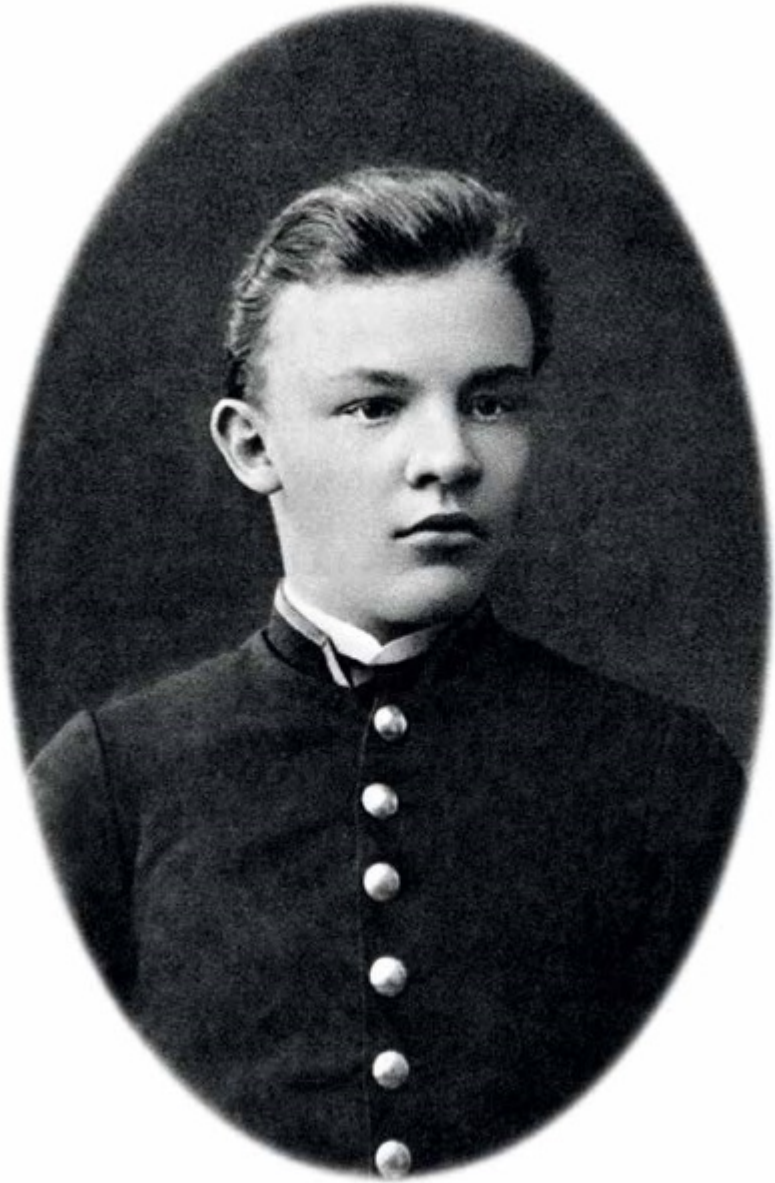
Нет, ничего в Ленине не было необычного по тем временам: в меру интеллектуален и образован – экстерном окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Начитан, но односторонне, запоями поглощал публицистику на русском, немецком, английском и французском языках. На многих языках свободно писал и изъяснялся. Бурно реагировал на полемику в своих и зарубежных партийных рядах социалистов. Подражая К. Марксу, вдумчиво знакомился со статистическими и народно-хозяйственными сборниками разных стран, а однажды обратился к серьезной философской литературе и написал толстую ученую книгу в защиту, как он считал, материализма. Но главным его умственным занятием было освоение и популяризация марксистских доктрин, доказательство их применимости к российской действительности и истории, нетерпеливое ожидание социалистической революции во всем мире. Не понимал и не ценил поэзии и художественной литературы, не любил театра и балета, но зато ценил классическую музыку. Он был не только партийным публицистом, но еще и профессиональным революционером, т. е. не зарабатывал себе на жизнь, практически нигде никогда не работал, если не считать работой то, что всеми доступными средствами (пером и типографским станком) боролся с политическим режимом.

Вместе с небольшой группой единомышленников в 90-х годах XIX века Ленин организовал нелегальную антиправительственную социал-демократическую партию и возглавил одну из ее группировок – фракцию большевиков. Лидеры большевиков, как и представители других небольших партийных фракций, вели бесконечную полемику с лидерами других группировок: с меньшевиками-мартовцами, богдановцами, плехановцами, троцкистами, отзовистами, легальными марксистами, махистами, богоискателями и богостроителями и т. д. и т. п. Как многие интеллигенты, рожденные и выросшие в России при отсутствии свободы слова, Ленин был яростным полемистом. Он с одинаковой злостью и ненавистью писал не только о «царских сатрапах», но и о лидерах иных политических партий и общественных движений, даже если они, как и он, находились в оппозиции к существующему режиму, даже если это были однопартийцы, с которыми он незначительно расходился во

взглядах. С необыкновенной страстью и злостью Ленин полемизировал с членами своей собственной фракции, если ему казалось, что они вступили на путь вероотступничества и «соглашательства». Даже с близким и любимым человеком Ленин мог спорить почти теми же словами и выражениями, что и с давними партийными врагами.

Ленин был человеком великих страстей, о которых он сам до времени не подозревал, но которые он открывал в себе одну за другой на протяжении звездных часов и коротких лет постреволюционной жизни. Ленин бы удачливым человеком, но он был и человеком роковых ошибок, большую часть которых он никогда не признавал.

В России его имя до сих пор на слуху у многих, памятники ему и сейчас стоят во всех крупных городах, поселках и даже на заросших травой площадях полузаброшенных деревень. Только в современной России насчитывают 1800 полновесных памятников и не менее 20 тысяч ленинских бюстов. Как правило, однотипные и уродливые, редко когда сделанные из благородного мрамора или бронзы, а по большей части отлитые из железобетона, покрашенного серебряной краской, они кое-где сохранились и в других странах СНГ. Мрачные символы – мумия, гранит и железобетон – это, на первый взгляд, почти все, что осталось от его личности, ленинизма, мировой социалистической революции, РСФСР, коммуны, интернационала… Ах да, остались еще названия улиц: заезжай в любой захолустный город современной России и сразу найдешь центральную улицу с именем Ленина. От его тела осталась пустая оболочка, на его памятниках не задерживается взгляд даже его припоздалого приверженца, так они замылили глаза. Его мысли, опубликованные в почти полном 55-томном собрании сочинений (5-е издание) и в других многотомных и миллионнотиражных изданиях, давно окоченели в вечной мерзлоте социальной памяти России. Его жизнь по дням и часам расписана в 5 томах «Биографической хроники».



В год окончания гимназии. Симбирск, 1887 г.

Скоро исполнится сто пятьдесят лет как родился (22 апреля 1870 г.) и сто лет как умер (24 января 1924 г.) человек необычной судьбы, необычных замыслов и действий. Даже посмертная судьба Владимира Ильича Ульянова-Ленина до сих пор влияет на многих людей, родившихся в СССР и все еще живущих на его развалинах. Но только четыре года (с 25 октября 1917 и до марта 1922 года) он пребывал на вершине власти, и еще около двух лет (с весны 1922 по январь 1924 года) он прозябал рядом с ней, мучительно

умирая в страхе и тоске. Кто он, Ленин, кем он, Ленин, был тогда, сто лет назад, и кем он стал теперь для нас? Действительно ли Ленин заложил основы государства принципиально нового типа?

Глобально мысля о глобальном мире

Как все революции и перевороты в России, Февральская революция 1917 года совершилась внезапно и для всех неожиданно. Не было заговора, который редко когда заканчивался в России благополучно для заговорщиков. Не было внезапного яростного бунта, который редко завершался в России малой кровью. Не было тайных заграничных агентов, не было инородцев, суетящихся вокруг трона, не было ни еврейских, ни немецких, ни масонских происков. Даже члены императорской фамилии накануне Февраля интриговали против своего сюзерена ничуть не больше, чем они это делали все триста лет существования Дома Романовых. Может, из всего этого что-то и делалось яростнее и серьезнее обычного, но все оно десятилетиями жило своей фрондой, нанося иногда тяжелые, но не смертельные удары по царизму. И вдруг старый, столетиями укоренявшийся мир распался в течение нескольких часов.

В феврале 1917 г. в Петроград в очередной раз не подвезли вовремя хлеба. Начался голодный бунт: убили нескольких полицейских и казаков, пытавшихся покарать зачинщиков. Часть петроградского гарнизона, гордость режима – гвардейские полки перешли на сторону народа. Царь Николай II на своем штабном поезде покинул ставку в Могилеве и двинулся с карательными войсками к Петрограду. Мощный профсоюз железнодорожников (ВИКЖЕЛЬ) заблокировал царя, и тот под давлением двух прибывших депутатов Государственной Думы и своего генералитета подписал акт об отречении. Никто не предвидел ни хода этих событий, ни его результата. А результат зависел от действий слабовольного человека, спасшего (и то до времени) свою семью и своим неумелым самодержавным правлением ввергнувшего страну в пучину мировой войны, в хаос революций и войны гражданской. Надо честно признать, что при отсутствии подлинного политического таланта царь всеми своими решениями, включая последнее, положил начало гибели империи и подвел ее народы к порогу гражданской войны. Если бы не это, если бы он не держался за давно окостеневшие традиции, если бы он вовремя провел последовательные и глубокие реформы, не было бы решения, принятого 15 марта 1917 г. (по новому стилю). Не было бы ни Керенского, ни Ленина, ни тем более Сталина, не было бы десятилетий советской власти. Дело, конечно, не в самом акте отречения (это скорее вынужденный жест отчаяния), а

в том, что государство требует от руководителя ежедневного, ежечасного строительства и обновления.

Итак, в начале XX века Ленин – малоприметный политический деятель, обычный российский революционер-эмигрант, один среди многих радикалов, но сам о себе он, конечно, так не думал. Он мыслил глобально.

Первая мировая война застала Ленина в Польше, точнее, на той ее части, которая принадлежала Австро-Венгрии. Подданный Российской империи, незаметно живущий в провинциальном польском городке, вызывал подозрения. Он был арестован и первый раз за всю свою жизнь в Европе был посажен в тюрьму, но менее чем через две недели освобожден и вместе с женой Надеждой Константиновной Крупской перебрался в тихую нейтральную Швейцарию. Практически всю войну чета Ульяновых и несколько близких товарищей по партии – Г. Зиновьев, К. Радек, Г. Сафаров, И. Арманд и др. провели в Берне, в Цюрихе и в ближайших к ним деревнях. Жизнь в Швейцарии была скудная и скучная: еле сводили концы с концами, вести и газеты из России приходили редко и окольными путями, никаких признаков революционной ситуации ни в России, ни в других воюющих странах не было заметно. Война с ее шовинистическим угаром год за годом шла своим чередом где-то далеко за альпийскими лугами и вершинами. Ленин так никогда и не увидел своими глазами ни ужасов войны в Европе, ни разрухи, которую она приносила цветущим городам, где он когда-то бывал и подолгу жил. Ленин ни разу не был под обстрелом или бомбежкой, не шагал в рядах отступающей через болота и выжженные поля армии, не бежал в противогазе с пудовой трехлинейной винтовкой наперевес в последнюю штыковую атаку. Он не испытал страданий за близких людей, убитых или покалеченных на фронте. Единственной личной трагедией, которую он пережил за эти годы, была смерть матери, М. А. Ульяновой, в июле 1916 г. Она умерла в России, на восемьдесят втором году жизни; на ее похороны он не мог поехать, даже если бы захотел – границы были закрыты. Он ее очень любил, был с ней в постоянной переписке, до последнего дня получал небольшую, но стабильную материальную поддержку. С ее смертью все источники существования для профессионального революционера из России были практически исчерпаны. Оставалась только очень оскудевшая партийная касса, которой ведала умная и красивая Инесса Арманд – близкий и доверенный человек. В начале 1917 г. Ленину шел сорок седьмой год.

За все годы последней эмиграции в Швейцарии с именем Ленина связано всего два относительно заметных события. Заметных не своей значимостью для мировой или российской истории, а для понимания человеческих качеств Ленина. В начале сентября 1915 года в деревне Циммервальд близ Берна прошла первая Международная социалистическая конференция, созванная по инициативе руководства Итальянской социалистической партии. Присутствовало 38 делегатов-социалистов из воюющих и нейтральных стран, поставивших вопрос о бесчеловечности и ненужности год за годом продолжающейся мировой бойни. Резолюция, принятая единогласно, была, по сути, пацифистской и выражала надежду на то, что война каким-то образом освободит угнетенные народы и приведет к миру и социализму. Но Ленин пошел дальше и высказался жестче и радикальнее других. В коротком манифесте, который подписало всего восемь делегатов (левая группа), он провозгласил: «Не гражданский мир между классами, а гражданская война!» Тогда же он внес предложение о создании третьего Интернационала, но оно не прошло. Одно это говорит о его честолюбии, поскольку I Интернационал был основан Марксом и Энгельсом, II Интернационал был организован их прямыми идейными наследниками, за годы войны предавшими, по мысли Ленина, идеалы интернационализма и революционной боевитости. По этому поводу он даже написал одну из самых язвительных статей того времени «Крах II Интернационала».

Если большинство его коллег-циммервальдцев призвало к миру с последующей борьбой за социализм, что в условиях шовинистического угара само по себе было достаточно смелым и неординарным шагом, то Ленин заговорил о качественно новом переходе от немедленного мира между народами к немедленной гражданской войне между классами этих народов. Уже не первый раз Ленину удалось «диалектически» совместить несовместимое в своей голове, в головах все еще малочисленных сторонников, в текстах своих работ: призыв к миру и следом – призыв к самой страшной из известных войн, к войне гражданской. Еще раньше, когда в очередной раз обсуждался вопрос о единстве партии, расколовшейся на большевиков-ленинцев и меньшевиков-мартовцев, он в том же духе заявлял: «Прежде чем объединиться, нужно разъединиться». В советское время это называлось «диалектикой» по-ленински. Слово «диалектика» было любимым, оно прикрывало невероятную верткость в публичных речах и делах.

Несмотря на то, что Ленин в то время нигде конкретно не служил, работоспособности ему было не занимать. За годы войны

он, помимо сотен писем, многих десятков статей и заметок, написанных на злободневные вопросы международной и партийной политики, подготовил две большие брошюры, которые ему удалось опубликовать только после Октябрьской революции. Но, даже не будучи опубликованными, они стали теоретическим обоснованием Октябрьского переворота. В советское время обе работы получили фантастическую известность и также забалтывались. Первую брошюру автор назвал «Империализм, как высшая стадия капитализма», вторую – «Государство и революция». Обе стоят того, чтобы остановиться на них подробнее.

В 1902 году вышла книга английского экономиста Дж. Г. Гобсона «Империализм. Исследование». В ней говорилось, что рядом с современным капитализмом, который сам по себе служит двигателем прогресса, выросло новое явление – империализм. В отличие от империализма Древней Римской империи, которая представляла собой интернациональное объединение множества народов под господством римлян, современный империализм предстает в виде совместной экспансии колониализма и международного монополистического финансового капитала. Гобсон уже в 1902 году предрек мировую войну за передел рынков сбыта империалистических государств, в котором капитализм, как он считал, совершенно не нуждался. Классическому капитализму новые рынки ничего не дают, т. к. капитализм развивается за счет совершенствования средств производства и расширения внутреннего потребления. В колониальных империалистических войнах нуждается паразитирующая на капиталистическом обществе часть эксплуататорских классов, избыточно потребляющих общественный продукт и тем самым искусственно ведущих к обнищанию большинства населения и безработице как в метрополии, так и в колониях.

Члены С.-Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В группе стоят слева направо: А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, сидят: В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов-Цедербаум. С.-Петербург, февраль 1897 г.

Книга Гобсона произвела на Ленина такое сильное впечатление, что он написал на нее хвалебный отзыв, а затем взялся переводить на русский язык. Со временем незаконченный перевод затерялся, а термин «империализм» широко вошел в лексикон экономистов и социалистов разных оттенков того времени. В 1910 году вышла книга австрийского марксиста Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», развивающая мысли Гобсона на новом материале. И только в середине 1915 года, в разгар мировой войны, Ленин в очередной раз загорелся идеей переформатировать новые европейские веяния, возникавшие то в политэкономии, то в социологии, то в истории, так, чтобы они не противоречили, с его точки зрения, основным марксистским догматам. Под пером Ленина империализм превратился не в опасный выверт истории, а в закономерную, высшую и последнюю, загнивающую стадию развития мирового капитализма. Финансовый капитал, доказывал Ленин, действительно, как и положено капитализму, паразитирует на обществе, ведет к обнищанию масс, и привел ныне к захватнической мировой империалистической бойне. Империализм есть период «загнивания» капитализма, это

последняя стадия его развития. Так Ленин «открыл» конец эры капитализма.

По приезде в Петроград в первых же своих выступлениях Ленин заговорил как о само собой разумеющемся «империализме» крупнейших держав мира. Брошюра же впервые была напечатана там же, в середине 1917 г. Начиная с 25 октября 1917 года Первая мировая война в советской пропаганде получит прилагательное «империалистическая». Самое же примечательное то, что Ленин никогда не претендовал на открытие современного «империализма». Он даже начал свою работу с такого заявления: «За последние 15–20 лет… экономическая, а также политическая литература Старого и Нового Света все чаще и чаще останавливается на понятии «империализм» для характеристики переживаемой нами эпохи». И в предисловии, и в самой книге он не один раз говорит о своих предшественниках, отдавая им должное и, в то же время, жестко критикуя за «продажность», обзывает их «оппортунистами» и другими мудреными для того времени словечками. В навешивании ярлыков, в бросании резких и даже оскорбительных выражений Ленин был большой мастак.

Стиль злобной литературной перебранки, которым пользовались все российские социал-демократы (и не только они), не помешал Ленину подойти к изучению вопроса с настоящей исследовательской хваткой. Позже, в советское время, подсчитали, что подготовительные материалы к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» («Тетради по империализму») составили около 50 печатных листов (толстенный том!). Они содержали выписки из 148 книг (в том числе 106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе) и из 232 статей (из них 206 немецких, 13 французских и 13 английских). Немецкоязычные издания всегда преобладали в творчестве Ленина. Подчеркну – все это только для того, чтобы доказать, что сами первооткрыватели империализма не поняли того, что открыли. Конечно, иногда и это бывает полезно для науки и политики, тем более что слово «империализм», в ленинском толковании, в XX веке станет широко принятым.

Среди прочих империалистических государств Ленин и Россию отнес к этой «хищнической» группе, уверенно перечисляя ее колониальные приобретения: «Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не великороссами заселенные области».

Последние месяцы эмиграции в Швейцарии были самыми тяжелыми: денег на жизнь катастрофически не хватало.

Бедствовала вся русская колония независимо от партийной и фракционной принадлежности. Несмотря на то, что российские социал-демократы все свои помыслы обращали к рабочему, самому передовому и революционному классу современности (Маркс), профессиональных рабочих в их заграничной среде практически не было. Это были группки разночинной интеллигенции и полуинтеллигенции, окончившие или недоучившиеся в европейских университетах и в российских средних учебных заведениях. Многие были хорошими ораторами: на заседаниях съездов, конференций, бесконечных встречах и посиделках в кафе оттачивалась не только мысль, но и речь. Еще большее число эмигрантов умело быстро и хорошо писать, и все верили в революцию в России по типу той, что вспыхнула в 1905 году, а еще раньше во Франции, во времена Парижской коммуны. С надеждой ожидали скорое начало мировой социалистической революции в какой-нибудь из стран Европы. Но время шло, а империалистическая война продолжалась, несмотря на то, что капитализм достиг высшей и последней стадии развития.

О характере споров и умонастроениях того времени можно судить по различным любопытным деталям. Например, летом 1915 года проходила конференция заграничных секций РСДРП, на которой разгорелась дискуссия о необходимости принятия лозунга о создании Соединенных Штатов Европы. Разногласия были серьезные, дискуссия зашла в тупик, и Ленин, как лидер одной из социал-демократических группировок, откликнулся на дискуссию в подконтрольном ему периодическом издании «Социал-демократ». Ленин напомнил, что сам по себе лозунг не противоречит призыву к социалистической революции, поскольку он ставится в очередь с призывом создать республиканские Соединенные Штаты Европы. Это значит, что три самые реакционные монархии – австрийская и германская «с русской во главе» – предварительно должны быть низвергнуты. Но этого мало.

Одним из любимых приемов Ленина-полемиста был прием: выдвинуть более дальние, более головокружительные и фантастические цели, чем их ставил оппонент, а потом, доведя их до абсурда, с легкостью все опровергнуть. Создание Соединенных Штатов Европы, как союз пусть республиканских, но капиталистических государств, утверждал Ленин, приведет к противостоянию их с Североамериканскими Соединенными Штатами и тогда о социализме можно будет забыть. Начнется борьба двух мощнейших империалистических группировок. Поэтому с точки зрения перспектив социализма было бы правильнее говорить о том, что «Соединенные Штаты мира (а не

Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, – пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства». Но и лозунг «СШ мира» неверен, т. к. «он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным».

Современный читатель не должен путать: Ленин говорит не о *построении* социализма в одной, отдельно взятой стране, а о *захвате власти* «пролетариатом» сначала в одной стране, ориентированной на социализм, а затем и в других, готовых к строительству социализма странах. Здесь, в Швейцарии, Ленин в очередной раз формулирует новый «исторический закон»: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон социализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». Победив, продолжал Ленин, пролетариат экспроприировал (обобрал) бы своих капиталистов и организовал у себя социалистическое производство, а затем «встал бы против всего мира, привлек угнетенные классы, поднимая там восстания и идя войной… Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее упорной борьбы социалистических республик с остальными государствами». Лозунг «Соединенные Штаты Европы» неправилен, т. к. нужно не искать мира внутри наций или между нациями, а используя силу одного класса одного или нескольких государств идти войной против другой части человечества. Этой части человечества Ленин обычно давал такие определения: «буржуа», «эксплуататоры», «паразиты», не уточняя ни половые, ни возрастные различия. Исторический герой для Ленина – это пролетариат, союзник – крестьянство, исторический враг – буржуазия. Никто и ничто конкретно, пока только словесные символы. Но пройдет совсем немного времени, и к лозунгу «Даешь Соединенные Штаты Европы!», выдвинутому его молодым партийным соратником и соперником Л. Троцким, Ленин обязательно вернется.

Какие Соединенные Штаты мира или Европы, какой мировой социализм? В Европе идет война, впервые в истории уносящая не десятки, даже не сотни тысяч, а миллионы человеческих жизней, разрушающая материальные и духовные сокровища величайшей европейской цивилизации. Крестьянская, нищая Россия несет особенно большие людские и территориальные потери. А Ленин не только не говорит о желательности победы своего отечества и

всей Антанты, подобно некоторым однопартийцам (плехановцам), не призывает к немедленному всеобщему миру без аннексий и контрибуций, подобно меньшевикам-мартовцам и большинству циммервальдцев, а пророчит и прямо призывает к новой мировой, но межклассовой войне. И тогда, и в наше время его обвиняли и обвиняют кто в бланкизме, кто в анархизме, кто в нечаевщине. Это все экстремистские и радикальные течения. А Ленин был вполне самостоятельным политическим мыслителем, считавшим себя истинным марксистом, стремившимся совершить на практике то, что предрекали великие основатели «научного социализма».

Они действительно предрекали цепь всемирных межклассовых революционных войн, подобно тем, что вела молодая буржуазия Англии, Нидерландов, Франции против феодальных и полуфеодальных режимов европейских государств в XVII – XIX веках. Статья интересна еще и тем, что она как бы подводит черту под эволюцией взглядов Ленина по одному из важнейших вопросов ленинизма, а значит, и биографии поднимающегося вождя «мирового пролетариата». Речь идет о теории «перманентной революции» (в формулировке Троцкого), или о теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (в формулировке Ленина).

А так был «открыт» капитализм в России

Несмотря на то, что ко времени последнего швейцарского «сидения» Ленин был зрелым, со сложившимися взглядами на жизнь человеком, его политический путь всегда был полон изгибов, а взгляды стремительно эволюционировали. И это несмотря на то, что он еще в молодости избрал для себя роль не только интерпретатора марксизма для русских рабочих, а если быть точнее – для революционеров, ориентированных на марксизм. Начиная с Г. В. Плеханова, эту роль брали на себя очередные поколения социал-демократов, но наиболее яркие из них переставали довольствоваться ролью обычных ретрансляторов марксизма в российскую среду, а пытались переосмыслить историю и будущее своей страны в свете учения о классовой борьбе, гегемонии пролетариата и грядущей мировой социалистической революции.

Плеханов и небольшая группа возглавляемых им интеллектуалов (группа «Освобождения труда») основные усилия направили на перевод марксистской литературы на русский язык, на комментирование и популяризацию марксистских идей, на организацию в России партийных просветительских кружков. Будучи горячими сторонниками распространения марксизма в России, плехановцы и мысли не допускали о том, что Россия хоть по каким-нибудь параметрам уже готова к социалистической революции. Больше того, Плеханов считал, что страна только-только вступает на путь капитализма и по сравнению с развитыми европейскими государствами она экономически и культурно очень от них отстает. Когда после смерти Энгельса в западноевропейском социал-демократическом движении стали возникать различные критические («оппортунистические») течения, Плеханов первым взял на себя роль защитника чистоты марксизма. Его оригинальный вклад в философию марксизма был сильно преувеличен в советское время. Фактически он не вышел за рамки устоявшихся истин, даже когда рассмотрел вопрос о роли личности в истории с точки зрения классиков и популярно сформулировал идеи «монистического взгляда на историю». Но молодой Ленин, выступив сначала в одном ряду с группой Плеханова, очень скоро перешел от трактовок и защиты марксизма к конструированию самостоятельных концепций, часто маскируя их под защиту чистоты марксистских идей от поползновений «ревизионистов» (реформаторов) и

«оппортунистов» (отступников).

На самом же деле с годами он, будучи творческим человеком, все больше и радикальнее ревизовал марксизм сам, т. е. развивал и приспосабливал его к новым историческим условиям, но отступником от него он никогда не был. Он был фанатиком одной, раз и навсегда усвоенной концепции, его фанатизм доходил до идолопоклонства. Вопреки часто встречающемуся мнению, его поклонение не было сродни религиозному рвению. Так математики «поклоняются» таблице умножения или физики – закону всемирного тяготения. Это был вариант очень характерной для интеллигенции фанатичной веры в научное знание. Это была вера в «научный социализм», которая мотивировалась только одним: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!». Этим он приравнивал Маркса к Ньютону.

Ленин начал свою политическую деятельность как пропагандист в социал-демократических кружках и публицист, отстаивающий с пером в руке «единственно правильное учение» от нападок на него так называемых народников, которых Ленин презрительно обзывал то либералами, то демократами. Первые большие и заметные работы Ленина очень велеречивы, но наполнены искренней страстью и верой в истинность марксизма как целостного учения, разом осветившего прошлое, настоящее и будущее человечества. И в этом Ленин был не одинок, с таким же чувством встретили марксизм многие значительные русские мыслители эпохи. Достаточно назвать такие имена, как Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве и др.; да и Л. Н. Толстой приглядывался к нему и к социалистам с искренним любопытством. В интеллигентской среде появилось новое модное направление – легальный марксизм. Но также быстро большинство из них отшатнулось от радикальных революционных и социалистических идей, видя в них угрозу насилия и источник нового порабощения личности. Ленин до последних дней искренне считал себя верным, несгибаемым марксистом и революционным социал-демократом, бдительно оберегающим марксизм от многочисленных врагов.

У А. М. Горького на о. Капри В. И. Ленин играет в шахматы с А. А. Богдановым. Италия, 1908 г.

Либеральные народники последней четверти XIX в. провозгласили себя наследниками тех революционных народнических групп, которые пропагандировали идеи «Земли и воли», «ходили в народ», боролись за отмену крепостного права, за новый «передел земли» в пользу крестьян, взрывали «царских сатрапов» и членов императорской фамилии. Народ для них состоял исключительно из крестьян, и он был социально однороден, что до второй половины XIX века было близко к истине. Население страны в то время более чем на 90 % было земледельческим, крестьянским. Усвоив западноевропейские социалистические идеи и критику набиравшего силу «первоначального накопления капитала», т. е. молодого агрессивного капитализма, народники ставили вопрос о том, что крестьянская Россия может и должна избежать пороков капитализма и, минуя его, сразу вступить на путь социализма, создав условия для обновления и расцвета крестьянской общины. В архаичной российской общине, где осуществлялись принципы круговой поруки и коллективного владения землей, они видели зачатки социалистического коллективизма. А в надвигавшемся на Россию капитализме предчувствовали угрозу всему обществу, ведущую к имущественному расслоению крестьянства, к зарождению антагонистических отношений в деревне и появлению промышленного пролетариата. Они обосновывали несостоятельность европейского марксизма для российских

патриархальных условий.

В 1894 г. Ленин издает свою первую заметную полемическую работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В 1897 г. «От какого наследства мы отказываемся?», а в 1899 г. выходит фундаментальный труд «Развитие капитализма в России», подводящий черту под эволюцией Ленина – от выбирающего свой путь молодого бунтаря до русского марксиста-теоретика и партийного организатора. Марксиста, старательно ищущего ростки уже ненавистной, но объективно прогрессивной капиталистической формации в стране, отменившей крепостное право (а по сути, рабство) только в 1861 г., т. е. менее 40 лет назад. Все три работы Ленин пишет и издает между 23 и 29 годами своей жизни, т. е. в совсем еще молодом для политического аналитика возрасте. И за этот короткий срок он проделывает путь от одного из рядовых защитников и популяризаторов марксизма до первооткрывателя новых общественных форм, которые, по его мнению, давно распустились на российской ниве.

В первой работе Ленин обрушился на Н. К. Михайловского и других теоретиков либерального народничества, выступивших с массированной критикой марксистского учения об общественно-экономических формациях и закономерной их смене независимо от воли людей. Народники ратовали за то, что человеческая воля сильнее и выше всякой кажущейся исторической закономерности. Поэтому России никто не предначертал пройти через все призрачные марксистские формации, в частности, через формацию капиталистическую. Народники не признавали исторического фатализма, поскольку люди сами способны изменить свою жизнь и судьбу. Уже в этой работе Ленин показал себя знатоком марксизма, основательно проштудировавшим не только публицистические и философские труды основоположников, но и главное произведение Маркса – труднопостигаемый объемный «Капитал». Следует учесть, что в те времена большая часть произведений Маркса – Энгельса не была переведена на русский язык, а каждый уважающий себя марксист (да и просто интеллигент) обязан был пользоваться и ссылаться на произведение, отпечатанное на языке оригинала. И здесь Ленин был на высоте положения многообещающего молодого политического теоретика, цитируя первоисточники в подлиннике, нередко бесстрашно редактируя их русские переводы.

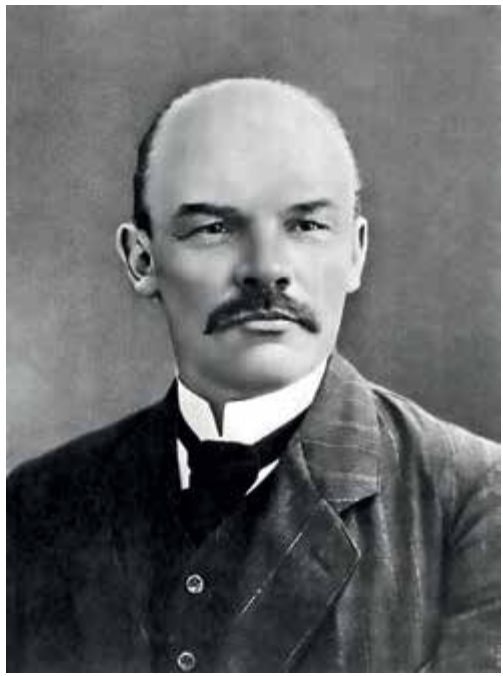
В первых двух работах он обличал народников в некомпетентности, в субъективизме и намеренном искажении духа и буквы марксизма, в неумении толково проанализировать собранный ими же статистический и другой фактический

материал о социальных процессах, протекавших в российской деревне. В этих работах было много цитат, но мало конкретного анализа или нового материала. Однако уже в ранних работах Ленин обнаруживает свой неуемный темперамент, то и дело прибегая к таким выражениям и «аргументам»: «Для грудных детей, что ли, рассказываете это Вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни? Ну, что Вы зубы-то заговариваете?», «Пускай себе, раскланявшись с Марксом, тявкает на него исподтишка..» и т. д. и т. п. Но ему, как и многим социал-демократам России того времени, явно не хватало аргументов по двум главным пунктам спора о настоящем и будущем страны: насколько капитализм как всемирно историческое явление неизбежен и для России и есть ли признаки капитализма в современной общественно-экономической жизни? Именно тогда Ленин поставил перед собой задачу «открыть» капиталистическую формацию в России, подобно тому, как Маркс «открыл» развитый капитализм в Англии, Нидерландах, Франции, Германии и США.

Современному читателю трудно представить себе, что еще в самом конце XIX века русские политические деятели разных направлений, в том числе большинство экономистов и историков, не замечали явных признаков капитализма в своей стране. Напротив, считалось, что Россия настолько самобытная и молодая страна, что она не только не захватила эпоху рабства, но избежала и эпоху феодализма в том качестве, в каком он сложился в Западной Европе. Ленин едва ли не первым провел серьезную исследовательскую работу в этом направлении. Причем он не занялся чисто сравнительным анализом, не стал искать параллели и аналогии в социально-экономической и политической жизни современной ему России и Европы. Ленин, используя данные земской статистики, подробно характеризующие развитие народного хозяйства, экономики и социальной структуры, доказал – капитализм в России уже захватил значительные географические и социальные пространства, он здесь, он процветает. Таким способом Ленин перевел разговор о возможности в будущем капитализма для России (а значит, и революции) в доказательство стремительной поступи новой формации уже сейчас.

Не будем придираться – Ленин откровенно нарушил научный канон: нельзя приступать к изучению вопроса с заранее сформулированным ответом. Если Маркс описал и перечислил универсальные характеристики капиталистической формации, то Ленин специально подбирал и группировал статистический материал так, чтобы обнаружить ее в современной России.

Именно этим и занялся будущий вождь пока еще малоприметного российского пролетариата.



Париж, 1910 г.

Молодой Ульянов, получив отличное семейное воспитание и гимназическое образование, в высшей школе систематически не учился. С первых студенческих лет участвуя в коллективных публичных демаршах, в подпольных революционных кружках, будучи неоднократно арестован и ссылаем, он не сумел окончить Казанский университет. После отчисления из него за активное участие в революционной деятельности, благодаря хлопотам матери и заслугам покойного отца, был допущен к сдаче всего курса экстерном на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Ульянов блестяще сдал экзамены осенью 1891 г. Как человек с большим преподавательским стажем позволю себе заметить, что сдать экзамены на отлично, да еще экстерном, не означает, что студент получил глубокую систематическую подготовку по избранной специальности, но объективно характеризует его как человека волевого и работоспособного. После получения диплома Владимир Ульянов в течение какого-то времени пытался работать по специальности (в должности помощника присяжного поверенного), но не преуспел и потерял интерес к профессии адвоката и юриста. Тем не менее от короткого студенческого времени у него на всю жизнь

сохранились адвокатские ораторские навыки и привычки, граничащие с дотошным крючкотворством. Но основной навык экстерната – умение в короткий срок много и целенаправленно читать, упорно зубрить, обильно конспектировать и обширно цитировать заученное и законспектированное – Ленин сохранил на всю жизнь. Однако, начиная, как правило, с обстоятельной и продуманной постановки вопроса, Ленин в своих наиболее важных трудах редко когда умел вовремя остановиться. Он как будто ожидал одобрительного кивка экзаменатора: «Достаточно!», тогда как его все нет и нет. Заключительные части многих работ Ленина затянуты, изобилуют повторами, в них отсутствуют ясные аналитические выводы. Ленину в большей степени удавались острые, как бритва, небольшие полемические заметки и лаконичные реплики, иногда незабываемые устные выступления по заранее заготовленным письменным тезисам.

Книга «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» написана не только в марксистском духе, но и в подражание стилю Маркса: по-немецки аналитично, тяжеловесно, с большим количеством примеров из статистики, а иногда и афористично. В то же время автор не замечает повторов, не соблюдает пропорции и не сопоставляет масштабы затрагиваемых вопросов. Но никто из российских экономистов, философов, историков, политологов (этой специальности в конце XIX века еще нет, но труды в политологическом духе уже изданы) до Ленина не ставил вопрос о том, что Россия как одна из значительных европейских держав уже вступила на общеевропейский путь передового капиталистического развития.

Даже Плеханов и его талантливые соратники, глубоко усвоив марксистский исторический и экономический материализм, больше рассуждали о будущей «миссии» капитализма в России и отодвигали его эпоху на очень отдаленное и неопределенное будущее. А тут еще спор с народниками и легальными марксистами, который носил не только академический характер, а был спором о целях и методах революционной борьбы. Как говорилось, народники мечтали «проскочить» мимо капитализма прямиком в социализм; легальные марксисты были реформаторами и страшились революционных потрясений. А для радикала-марксиста революционная борьба имела смысл только в том случае, если в общественном строе уже произошли необратимые социальные и экономические изменения. Когда феодальный строй разложился и в обществе стали формироваться два новых передовых, но глубоко враждебных класса: класс буржуазии и класс пролетариев. Только при наличии большого

слоя пролетариев имело смысл создавать революционную партию, вести печатную и устную пропаганду, подготавливать пролетариат к борьбе с феодальными и монархическими пережитками. И не наступила ли уже пора готовить народ к будущей социалистической революции? Если – да, наступила, то есть для чего жертвовать своей жизнью. Ленин, как и многие революционеры, действительно «положил свою жизнь на алтарь революции».

Ленин работал над книгой «Развитие капитализма в России» почти три года, примеряя на себя роль экономиста-систематизатора и аналитика, умеющего обращаться как со статистическими справочниками и сборниками материалов, так и с разнообразной экономической и социологической литературой. Он не позволил себе увлечься обширными теоретическими выкладками из политэкономии марксизма; ограничился цитатами из трудов классиков с формулировками понятия: общественно-экономическая формация. В работе рассматривалось два основных вопроса: насколько после отмены крепостной зависимости крестьянская община и составляющий ее основу сельскохозяйственный класс разложились на три основные, по мнению Ленина, экономические группы: богатеев (кулаков), середняков и беднейшее крестьянство (сельский пролетариат)? И – какую степень развития получило крупное промышленное производство, а с ним вырос класс заводчиков-фабрикантов и класс промышленных рабочих?

Исследование с научной точки зрения было сделано очень основательно, хотя и охватывало только центральные промышленные районы страны, в которых проживало главным образом русское население. Говоря кратко, Ленин убеждал своих оппонентов и сторонников в том, что всего за три пореформенных десятилетия в России стремительно разложился феодально-крепостнический строй в деревне. Благодаря капиталистическому разделению труда страна полным ходом вступила на путь капитализма в основных сельскохозяйственных отраслях народного хозяйства. Во второй части работы, анализируя статистические материалы, характеризующие важнейшие отрасли машинной промышленности, Ленин пришел к убеждению, что в России они развиваются неравномерно и гораздо быстрее, чем в ведущих капиталистических государствах. Рабочий же класс, несмотря на свою малочисленность (он по всей России буквально наскреб около 1,5 млн человек при 100-миллионном населении), боевитей, лучше осознает свою историческую миссию и более революционный по сравнению с рабочим классом европейских держав. Так Ленин убедил себя и своих коллег социал-демократов

в том, что Россия, несмотря на тяжелейшие феодальные пережитки царизма, недавнее крепостничество, отсутствие политической и духовной свободы, семимильными шагами догоняет передовые капиталистические страны.

И хотя автор так и не смог подвести общий итог своего серьезнейшего труда, я предлагаю рассматривать в качестве него такие строки: «Нам остается еще в заключение подвести итоги по тому вопросу, который получил в литературе название вопроса о «миссии» капитализма, т. е. об его исторической роли в хозяйственном развитии России. Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо… с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима». Этой работой Ленин обнаружил «развитие капитализма в России» и занял место среди ведущих русских марксистов.

Книга была замечена, и не только в революционных кругах. Либеральная профессура и гуманитарная интеллигенция как будто на нее не отреагировали, но в кругах близких к будущей партии конституционных демократов (либеральной интеллигенции) появились историки, задавшиеся целью «открыть» в недрах средневековой Руси феодальный строй. Молодой и очень талантливый историк-архивист Н. П. Павлов-Селивановский, ученик С. Соловьева, В. Ключевского и С. Платонова, используя метод сравнительно-исторического анализа, «открыл» в 1907–1910 гг. феодализм в Древней Руси, якобы тот же самый, что и феодализм Западной Европы. И хотя между русским и западноевропейским феодализмом была колоссальная разница, а итоги его развития были едва ли не противоположны, дореволюционное научное сообщество сразу же приняло выводы Павлова-Селивановского, тогда как работа Ленина была встречена в научных кругах молча. До ее официальной кодификации в СССР было не так далеко. А в наше время за такую добротную работу могли бы присудить высокую научную степень.

Вспоминая истоки

В 1895 г. Ленин впервые выехал за границу для установления связи с группой Плеханова. Иначе говоря, до 25-летнего возраста он ни разу не был за границей, не видел воочию ни одной передовой буржуазной страны, не наблюдал собственными глазами пороки и «язвы» капитализма. Только по редким марксистским книгам и экономическим исследованиям, по иностранным газетам знал, как живется тамошнему пролетариату и рантье, что собой представляет крупная и мелкая буржуазия, что такое парламентаризм, многопартийность, какую роль играют европейские интеллектуалы в культурной, политической и экономической жизни своих стран. Но, как мы видели, к этим, еще молодым годам, Ульянов уже декларировал ненависть к капиталистическому строю и буржуазии. Откуда эта ненависть? Русская революционная интеллигенция смолоду воспитывалась – кто в семьях, кто прогрессивными преподавателями и учителями, кто в студенческой среде, кто в подполье – в духе любви к народу и в ненависти к тем, кто его угнетал. При этом любовь часто была абстрактна – к народу «вообще», а ненависть же намного конкретней: к чиновнику, жандарму, к солдафону, мироеду, попу-обскуранту, т. е. к любому, кто олицетворял власть. Здесь хочу развеять одно устойчивое недоразумение.

Слово «интеллигент» – чисто русское понятие, его западноевропейский эквивалент – «интеллектуал». Их легко путают не только иностранцы, интересующиеся русской культурой, но и соотечественники. Интеллектуал – это человек, занятый умственной работой, интеллектуальным творчеством. Интеллигентом в России называли не столько человека образованного и умного, сколько человека душевного, отзывчивого, сострадательного. Интеллигентом мог быть человек даже не очень больших знаний или гениальных способностей (например: Платон Каратаев, герой романа Л. Толстого, – подлинный интеллигент, а эгоистичный, умный Каренин – только интеллектуал), но он всегда человек с высокой отзывчивостью на чужое горе и страдание, способный пожертвовать другому многое. В революцию шли, часто воображая себя интеллигентами, жертвующими здоровьем, самой жизнью, ради «счастья народного» вообще. Но эта психологическая установка нередко маскировала и другое, более глубокое и скрытое чувство ресентимента, т. е. чувство жгучей тайной ненависти и зависти к богатым, более успешным и благополучным, к господствующим. Именно они, эти люди *ненависти,* пополняли ряды радикальных

революционеров, организаторов покушений, бомбистов, боевиков, т. е. самых отчаянных нигилистов, неосознанно несущих в себе гены тоталитаризма. Судя по тому, что нам сейчас известно, к этому крылу примыкал и старший брат, Александр Ульянов. Владимир же на первых порах вел и чувствовал себя как истинный, сострадающий народу интеллигент. Он скорее презирал архаичный царский режим и испытывал брезгливое чувство к хищнической буржуазии. Он не призывал на первых порах, подобно народникам, а затем социалистам-революционерам, швырять бомбы в «царских сатрапов». Страх перед той участью, которая постигла брата, Владимир испытывал всю жизнь, но, когда было надо, он умел собрать волю. Тогда же в его душе разгорелось и чувство мести, желание отплатить за его смерть. Но это чувство не следует преувеличивать, оно лишь послужило небольшой добавкой к тому, что он получил через воспитание и из собственных наблюдений «свинцовых мерзостей» русской жизни.

На первых порах Ленин довольствовался выводом, вытекавшим из теоретических положений Маркса, что исторически русский царизм и мировой капитализм обречены, а персональный или индивидуальный террор бесполезен. О том, что эксплуататорские классы должны исчезнуть путем насилия, он хорошо знал из ярких высказываний Маркса и трудов Энгельса на эту тему. Последний даже готовил труд под названием «Теория насилия», но написал только раздел «Роль насилия в истории». Маркс же на все времена выдал крылатую фразу: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». То, что насилие «повивальная бабка истории», знали не только марксисты. Все, кто хоть немного знаком с историей человечества, не поставят эту марксистскую формулу под сомнение. Вопрос только в том, кто выбирается в качестве объекта насилия: человек с какими-то особенностями, специфическая группа людей, конфессия, общественный класс, нация, раса? История человечества знает массу персонажей, которые указывали своим приверженцам на того, кого следовало бы уничтожить ради счастья остальных. Для Ленина, как для социал-демократа и марксиста, это был «класс», пока еще очень отвлеченное, абстрактное понятие: «весь класс эксплуататоров».

Ленин родился в провинции (в Симбирске), в благополучной семье инспектора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова и Марии Александровны (урожденной Бланк). Старательный и очень трудолюбивый, Илья Николаевич получил за отличную службу звание потомственного дворянина. Значит, Владимир Ильич родился во дворянстве и носил это звание. История с

национальными корнями их сына в советское время обросла слухами, домыслами и сенсациями. Хорошо помню, как в шестидесятых годах прошлого века распространялась молва о внезапно обнаруженных документах, раскрывающих еврейское происхождение матери Ленина. В наше время твердо установлено, что отец Ильи Николаевича был по национальности обрусевший чуваш, по матери, скорее всего, был русским или также чувашем. Мать Ленина по мужской линии была еврейкой, а по женской – шведкой с немецкой примесью. Знал ли Ленин о своих национальных корнях? Не мог не знать, как знали все его родственники, как знала родная сестра Анна Ильинична, от которой и были получены эти сведения, и которые, по велению Сталина, хранились за семью печатями. Важнее понять то, кем Владимир Ильич себя ощущал при таком смешении кровей и культур?

Из всего, что известно о Ленине, уверенно заявляю, что он чувствовал себя русским интернационалистом, т. е. европейцем, отрицавшим кровное родство с буржуазией и эксплуататорами любой национальности. И в этом он был не одинок – такова была общая установка для европейского социал-демократа любого оттенка. Поэтому в каждой европейской стране, включая, конечно, Россию, Ленин чувствовал себя достаточно комфортно. Но, в общем и целом, Ульянов родился и воспитывался в русской православной среде, прекрасно ораторствовал на русском языке (не считая легкой картавости), окончил с золотой медалью гимназию и, как многие провинциальные интеллигенты, запоем читал русскую народническую сострадательную литературу: Герцена, Огарева, Чернышевского, Белинского, Писарева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и др. Эта литература была обличительна в адрес власти и сострадательна по отношению к «униженным и угнетенным». Именно семейная интеллигентская традиция и воспитание на народнической литературе подготовили ту нередкую для истории России ситуацию, когда после смерти отца и казни старшего брата – за попытку покушения на жизнь царя Александра III, – вся семья, включая братьев, сестер и даже мать, в той или иной степени ушли в революцию. Мать, имея родственные связи в высших аристократических сферах, зная, чем занимаются ее дети, до конца жизни хлопотала за них, поддерживала морально и материально.

В. И. Ленин выступает в Таврическом дворце с Апрельскими тезисами. Петроград, 4 (17) апреля 1917 г.

Благодаря своему происхождению и воспитанию Ленин с порога отвергал любую форму национализма, хотя в анкетах писал – великоросс. В многонациональной России человек всегда был и будет тем, кем он себя ощущает. В отличие от последних Романовых и Сталина отвергал любую форму национализма – и особенно после того, как захватил власть.

Все те, кто близко знал и помнил Ленина разных лет, в один голос утверждают, что он был необыкновенно честолюбив и с детства стремился к лидерству. Конечно, одни оценивали эти качества как положительные, другие видели в них истоки характера будущего «красного диктатора». Но совершенно ясно одно – оба качества постоянно вызывали напряжение между ним и теми единомышленниками, которые, как и он, претендовали на интеллектуальное и организационное превосходство. В феврале 1897 г. Ленина в очередной раз арестовали и на этот раз выслали на три года в село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии, т. е. в Западную Сибирь. Ленин полностью отбыл срок в довольно комфортных условиях и в отличие от многих коллег не

делал даже попыток бежать.

Там же обвенчался с соратницей-революционеркой Надеждой Крупской и летом 1900 г. уехал в первую пятилетнюю эмиграцию в Западную Европу. Примечательный факт – вслед за ним из Шушенского прибыл ящик с библиотекой из 243 книг. Жандармы его описали, и мы теперь знаем, что это были книги в основном по экономике, а остальные по философии, в большинстве своем на языках оригиналов – произведения Спинозы, Бэкона, Канта, Фихте, Гегеля, Плеханова и др. Судя по сноскам и обширным цитатам, которые Ленин делал в своих публикациях, он все эти книги вдумчиво читал и местами переводил. А еще именно в Шушенском близко наблюдал трудовую жизнь русских крестьян и сделал категорический вывод об «идиотизме деревенской жизни».

В 1898 г., во время той же ссылки, а поэтому без него, состоялся первый организационный съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Уже на втором съезде, на котором Ленин присутствовал, по его инициативе партия раскололась на две основные фракции, на так называемых большевиков во главе с Ульяновым-Лениным, и – меньшевиков, возглавлявшихся Юлием Мартовым, недавним другом и соратником. С тех пор и до его смерти ленинская партия всегда имела в своей аббревиатуре букву «(б)» – «большевиков».

РСДРП, состоявшую в основном из многонациональных интеллигентов, интеллектуалов и малограмотных энтузиастов, постоянно раздирала фракционная борьба, главным зачинщиком которой был Владимир Ильич. Он совершенно не терпел соперничества, а потому к началу первой русской революции 1905 года конфликтовал со всеми более или менее яркими теоретиками и публицистами партии: с Плехановым, Аксельродом, Струве, Мартовым, Троцким, Богдановым, Луначарским, Базаровым, Юшкевичем… и даже с Максимом Горьким. Почти все известные зарубежные социалисты ходили у него в идейных врагах. Перечислять имена деятелей помельче нет смысла, но следует отметить, что и соотечественники отвечали ему тем же.

Ленин с годами полемизировал все более злобно, все более нетерпимо и часто оскорбительно. Соперничество за влияние всегда прикрывалось идейными аргументами; главным ленинским мотивом была «борьба за чистоту марксизма». Не будем затруднять читателя подробностями внутрипартийной борьбы до 1917 г. Отмечу только, что революция 1905 г. была вызвана не столько активизацией подпольных радикальных партий, сколько неудачами Русско-японской войны, расстрелом мирной демонстрации в Кровавое воскресенье января 1905 г.,

мятежом на крейсере «Князь Потемкин-Таврический», Ленским расстрелом. Россия рвалась из опутавших ее многовековых социальных оков. Ленин активного участия в событиях 1905 г. не принимал. Нет, он не прятался от опасностей, не боялся ответственности за попытку вооруженного восстания. Все, что он успел сделать, нелегально вернувшись из Парижа в Петербург, это выступить с зажигательной речью на одном из митингов, посидеть с товарищами в трактирах, а затем вновь скрыться через Финляндию в Европе.

Эта вылазка была очень опасным предприятием, грозившим в случае неудачи если не петлей или каторгой, то многолетней ссылкой и в менее благоприятные, чем прежде, места. Так, его молодой коллега Троцкий, возглавивший во время революции Петербургский Совет рабочих депутатов – прообраз будущего органа советской власти, был осужден на вечное поселение в отдаленные места за Северным Уралом, но дерзновенно бежал. Ленин также не боялся рисковать собой, но он не бравировал опасностями и не всегда считал нужным скрывать свои страхи.

Под давлением революционных событий и внешнеполитических неудач царизм вынужден был пойти на либерализацию режима: объявить свободу печати, собраний, шествий, многопартийность и парламентаризм при сохранении основ абсолютизма. Так возникло очередное неразрешимое противоречие между властью и обществом. Хорошо известны бесконечные маневры, обман и неискренность официальных кругов того времени, неизбежно подводивших страну к очередному революционному взрыву. Но на первых порах, когда казалось, что страна наконец-то вступила на путь глубоких реформ, а партии могут действовать легально, революционные настроения пошли на убыль. Ленин снова кочевал по Европе, организовывал съезды партии и своей фракции, руководил изданиями различных фракционных газет, иногда вновь призывал к объединению и, вместе со всеми, легко нарушал достигнутые соглашения.

Чета Ульяновых, вместе с матерью Крупской, время от времени передвигалась по городам Европы: жили то в Париже, то в Лондоне, то в Стокгольме, то в Кракове, то в Берне или Цюрихе. О российской действительности Ленин все так же узнавал из газет, из писем и от соратников, время от времени приезжающих из России: от Г. Зиновьева, Л. Каменева, Н. Бухарина, А. Рыкова, Л. Красина, И. Сталина, А. Коллонтай и др.

Более или менее регулярные дружеские отношения до революции связывали Ленина в основном с Зиновьевым. Контакты с «чудесным грузином» Сталиным были редкими и

поверхностными. Ленин ценил его как одного из немногих большевиков, представлявших Закавказский регион и проявлявших интерес к национальным проблемам. Подлинных друзей у Ленина никогда не было. Инициатором разрыва «на идейной основе» чаще всего был именно он.

В эти предвоенные годы РСДРП выросла в полноценную парламентскую партию и ее фракции заняли в Думе несколько мест. Но как официальные, так и революционные круги не очень верили в силу европейского парламентаризма, а потому противостояние и все виды легальной и нелегальной борьбы продолжались. Ленин выступил в поддержку обеих форм, с упором на борьбу подпольную и за партию профессиональную. Откуда добывались деньги на бытовые нужды профессиональных революционеров, на проведение партийных форумов, на издание газет и популяризаторских журналов (одна из большевистских газет издавалась в эти годы 80-тысячным тиражом)? Деньги также были необходимы на поддержку ссыльных и осужденных товарищей, т. е. партийное «хозяйство» было дорогим и обширным. Зафиксировано несколько финансовых источников.

Первый – пожертвования сочувствовавших состоятельных интеллектуалов и фрондирующей буржуазии. Здесь главным спонсором и ходатаем был Максим Горький, который считал себя (и справедливо!) интеллигентом, вышедшим их недр рабочего класса. Ленин находился в личной дружеской переписке, делился семейными проблемами (сообщал о состоянии здоровья Крупской и своем), давал советы никогда не лечиться у «врачей-большевиков», поскольку они «из 99 случаев на 100… «ослы». Горький постоянно давал деньги на издание газет и журналов. Крупные пожертвования делал фабрикант мебели, большевик-революционер Н. П. Шмидт и известный старообрядческий предприниматель Савва Морозов. Второй источник – так называемые эксы (экспроприации). Известны случаи прямого грабежа банковских экипажей с деньгами и другие уголовные способы пополнения партийной кассы. В отличие от меньшевиков и их лидеров Ленин не сопротивлялся подобным действиям своих сторонников, считая справедливым экспроприировать (грабить) экспроприаторов (грабителей) для благородной цели – беспощадной борьбы с ними же.

Трудно сказать, с какого момента Ленин окончательно превратился из сострадательного интеллигента в пылающего ненавистью интеллектуала. Но, судя по его публицистике, к началу революции 1905 г. эта эволюция завершилась, и в дальнейшем, все годы эмиграции и особенно в годы Гражданской войны, ресентиментные чувства, чувства ненависти в его душе

только разрастались. Здесь самое время поговорить о любви, но не к народу, а к женщине.

Любовь к женщине

Ленин не был человеком, ограниченным какими-то особыми личными предпочтениями, и он не был фанатиком, ушедшим, как в омут, в партийное строительство. Любил женщин в тех ипостасях, которые обычно предлагает мужчине жизнь. Для своей престарелой матери был нежным, любящим сыном, о чем свидетельствует их переписка, а для трех сестер и младшего брата Дмитрия с детства и до последнего сознательного дня был любящим и заботливым братом. Близкие родственники платили ему тем же. Такие обоюдные отношения сохранились и после того, как Ленин поселился в Кремле. Судя по тому, что о нем известно сейчас, он терпел рядом с собой только достаточно воспитанных и образованных женщин. И все они были миловидны, по крайней мере в молодости. Такой была близкая подруга Надежды Крупской – дворянская дочь, светловолосая и кареглазая Аполлинария Якубова, которой Ленин первой предложил выйти за него замуж. Их брак не состоялся не по вине Ленина, но партийное сотрудничество продолжалось довольно долго.

Инесса Арманд – соратница и близкий друг В. И. Ленина.

В молодости Крупская так же обладала приятной

наружностью, происходила из польских дворян, по слухам, ведущих свою родословную от средневекового князя-эмигранта Курбского. Она была образованной женщиной, писала и говорила на нескольких европейских языках, была незаменимым личным секретарем большевистского лидера. Надежда Константиновна вела большую часть партийной переписки, была ближайшим советником и первым читателем его публицистических работ. Но Надежда Константиновна не умела вести домашнего хозяйства, не очень тщательно следила за своим внешним видом, рано потеряла женскую привлекательность и, как говорят в народе, обабилась. По хозяйству ей помогала мать, пока была жива, а невнимание к себе стало заметным в те годы, когда у нее обнаружилась базедова болезнь, лечить которую тогда не умели. В одном из писем Горькому Ленин жаловался: «У меня невзгоды. Жена заболела базедовой болезнью. Нервы! У меня тоже нервы малость шалят».

Надежда Константиновна Крупская – жена В. И. Ленина.

В Париже ей сделали операцию, после которой она едва не умерла. Болезнь уродовала ее внешность, и постепенно от миловидной когда-то курсистки осталось трудолюбие, верность и любовь к мужу до самого конца. Ленин, без сомнения, женился на ней по внутреннему чувству, хотя, возможно, не самому пылкому. Но важен был и психологический комфорт – жена неизменно

демонстрировала готовность идти за ним туда, куда бы он ни указал, и делать то, что, он считал, надо делать обязательно. Надежда поехала за Лениным в Шушенское, а затем скиталась с ним по Европе. У них был брак, основанный на обоюдной преданности, благодаря которой мужчина и женщина срастаются крепче, чем под влиянием страстной, но преходящей с годами любви. Надежда Константиновна была для Ленина тем единственным человеком, которому он доверял все и до самого своего конца. Даже близкие родственники и ни один соратник по партии не были облечены таким доверием. Вся их совместная жизнь доказала, что он в ней не ошибся. Тем не менее Ленин не соблюдал супружеской верности и, возможно, с ее же ведома. Причиной тому была ее болезненность, бездетность и, может быть, отсутствие интереса к сексуальной стороне жизни. Более или менее достоверно известны еще два эпизода из ленинских увлечений: отношения с полулегендарной Елизаветой де К. и абсолютно реальной и трогательной в своей любви к Ленину Инессой Арманд.

В гриме и парике. Снимок сделан для нелегального удостоверения на имя рабочего К. П. Иванова. Разлив, август 1917 г.

О Елизавете де К. рассказывает один из серьезных иностранных биографов Ленина. Впервые они встретились в разгар событий 1905 г., во время его приезда в Россию. Она была красива, вхожа в светские салоны и была знакома с литературной и художественной богемой столиц. Елизавета только что развелась с мужем и, будучи состоятельной и независимой, искала приключений, в том числе в среде революционеров. Их знакомство продолжалось с перерывами почти десять лет, но так и не ясно – переросло ли оно в глубокое чувство. Ленин был с Елизаветой де К. на «ты», а такую вольность он допускал только с

очень близкими людьми. Но самая большая и обоюдная любовь была у него и Инессы Арманд.

Они познакомились в 1910 г. в Париже. Она была дочерью цирковых французских актеров (отец француз, мать шотландка), в 19 лет вышла замуж за предпринимателя из России А. Е. Арманда и родила ему четверых детей. Затем увлеклась младшим братом мужа, родила ребенка и от него, а после смерти брата А. Е. Арманд усыновил и этого ребенка. Инесса была женщиной неординарной, с огромными глазами и пышными каштановыми волосами, умна, с отзывчивой душой, очень независима. Она прекрасно говорила и писала на русском, но сохранила в себе французское обаяние. Дети не помешали ей еще в 1904 г. войти в ряды РСДРП и активно участвовать в революционной работе то в России, то в Европе. С 1910 г., когда она познакомилась с Лениным и Крупской и стала вхожа в их семью, Ленин доверил ей хранение партийной кассы в те, самые безденежные, военные годы. В момент знакомства Ленину было 40 лет, Арманд – моложе его на 4 года. Очень жаль, что от их интимной переписки мало что сохранилось, но фрагмент письма, который недавно был обнародован, красноречивее многих страниц толстого романа:

«Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно осознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитями связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью – и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего в Париже и в отношениях с Надеждой Константиновной. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала особенно дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства… Я любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал… Ну, дорогой, на сегодня довольно – хочу послать письмо… Крепко тебя целую. Твоя Инесса».

На самом деле это была имитация расставания, для того чтобы успокоить партийную «общественность». По слухам, Крупская, узнав об их связи, пыталась оставить Ильича, но тот ее

не отпустил. Сама же Крупская позже вспоминала Арманд: «В ней было много какой-то жизнерадостности и горячности. Инесса много рассказывала мне в этот период о своей жизни, о детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов». Возможно, двух женщин привлекало друг в друге все то, что так их разительно отличало? После Февральской революции все трое вместе с детьми Арманд вернулись в Россию в одном вагоне через Германию и Швецию. Всю Гражданскую войну семьи Ульяновых и Арманд поддерживали близкие отношения. Она умерла от холеры на Северном Кавказе в 1920 г. Ее прах был замурован в Кремлевской стене. Это была тяжелейшая личная драма уже признанного вождя мирового пролетариата. Давняя соратница Ленина по партии Александра Коллонтай оставила воспоминания о дне похорон Арманд: «Мы шли за ее гробом, Ленина невозможно было узнать. Он шел с закрытыми глазами и, казалось, вот-вот упадет». Надежда Константиновна до конца своей жизни дружила с детьми и семьей Арманд; законный муж Инессы умер только в 1943 г. и своей смертью. Отношения с близкими женщинами были у Ленина намного человечнее и искреннее, чем у его прямых наследников по власти.

Воинствующий философ-материалист

В России после революционного подъема 1905–1907 гг. наступила относительная пауза, которая прервалась Первой мировой войной. Среди тех дел, которым Ленин отдавался в течение этих промежуточных лет с особым рвением, было занятие философией, точнее, участие в перепалках на философские темы. Вообще марксизм, если им заниматься всерьез, а не имитировать его изучение, чем десятилетиями занимались советские «массы», требует серьезной философской подготовки и умения видеть историю человечества целиком и за все времена. В отличие от Плеханова или Троцкого Ленин специальных исторических работ не писал, но всю жизнь тяготел к философскому стилю мышления и временами писал философские сочинения.

Л. Д. Троцкий. Председатель Перроградского совета рабочих депутатов. 1905 г.

Вслед за Лениным советские и современные историки партии обычно говорят о предвоенных годах, как об эпохе «реакции» и безвременья, идейного разброда и шатания в социал-демократических кругах. На самом же деле подоспела целая плеяда молодых марксистских теоретиков из России, пробовавших свои силы на европейской арене. Это было временем теоретического роста российских социал-демократов, выше которого они так и не смогли никогда больше подняться. Марксисты, если они не хотели отстать от событий, а главное – от магистральных политико-философских направлений, должны

были прислушиваться к веяниям эпохи. После философских откровений Ф. Ницше в конце XIX – начале XX века у русских марксистов большую популярность приобрела школа эмпириокритиков австрийского философа Эрнста Маха и немца Рихарда Авенариуса. На самом деле Мах считал себя последователем Авенариуса, а не наоборот, как можно подумать, читая более чем четырехсотстраничное произведение Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов.

Мах не был профессиональным философом, считался физиком-экспериментатором и утверждал, что материализм как философское мировоззрение серьезно мешает современной эмпирической науке. Скорее всего, он ничего не знал о книге Ленина, направленной прежде всего против его философских

суждений и вышедшей на русском языке в Москве в 1909 г. Мах умер в 1915 г.

Не вдаваясь в сложные и часто схоластические рассуждения, которые в советское время должен был освоить каждый студент, напомню, что суть махистских воззрений сводилась, как справедливо считал Ленин, к попытке преодолеть противоречия между так называемым идеализмом и материализмом, выйти, наконец, из давнего и малопродуктивного противостояния. Мах, признанный физик-экспериментатор, видел выход для современной науки только через возврат к истокам европейского идеализма и экспериментаторства, т. е. к воззрениям Бэкона, Оккама, Беркли и Юма.

Подлинная наука – это эксперимент, в результате которого получают новое доказанное знание. Эксперимент предполагает теснейшее взаимодействие исследователя с объектом; это единая система. Отсюда объективно существует только то, что человек воспринимает, обследует с помощью чувств или приборов. Поэтому любая вещь, по Маху, утверждал в своей книге Ленин, это всего лишь комплекс ощущений. Все действительное познание мира сводится к эмпирическим экспериментам человечества. Если нет познающего сознания, то никто и ничего не может сказать о том, чего не знает, т. е. об «объективном», существующем независимо от моего сознания, мире. «Без субъекта нет объекта?» – с издевкой спрашивал Ленин махистов. С этих позиций выстроен эмпириомонизм и субъективный идеализм Маха. Он первым ввел понятие «мысленный эксперимент» и сделал его равным эксперименту инструментальному. Идеи Маха подхватили крупнейшие мыслители-ученые – Вильгельм Оствальд, Анри Пуанкаре, Альберт Эйнштейн и на их базе создали новую, постньютоновскую науку XX века.

Ленин был далек от экспериментальной науки своего времени, да и в философии он был дилетант, хорошо, но односторонне начитанный марксистской и примыкающей к ней литературой. Его более открытые новым веяниям коллеги по российскому социалистическому движению дружно и с разных сторон включились в переосмысление философских основ марксистского материализма. Среди тех, кто вошел в эту обойму и кого Ленин причислил к врагам (!), сознательно искажавшим незыблемые марксистские основы, были: эсер В. Чернов, меньшевики Н. Валентинов и П. Юшкевич, большевики А. Богданов, В. Базаров, А. Луначарский и даже сам мэтр русских социал-демократов Г. Плеханов. В книге все они выстроены по ранжиру, а наиболее суровой критике и, как всегда, грубой брани

подверглись наиболее самостоятельно мыслившие коллеги. На первом месте оказался давний соратник и идейный соперник по большевистской фракции Богданов, затем Базаров, потом очень талантливый Юшкевич и т. д.

«Материализм и эмпириокритицизм» – одна из самых слабых и объемных ленинских работ. Если бы при советской власти ее не внедряли насильно, как и все то, что связано с именем Ленина, через сеть «политпросвещения», то эту книгу давно бы забыли. Она полна мелочных придирок, неглубока по содержанию. Это не классическая монография или философский трактат, а серия статей, написанных по «одному поводу». Ленин демонстрирует в ней наивный реализм, осмеянный еще древнегреческим философом Платоном. По Ленину (а он ссылается на Маркса и Энгельса), вещи существуют объективно, независимо от нашего сознания. Сознание их «отражает» или делает с них «копии» или «слепки». Поскольку наука твердо установила, что мир возник задолго до появления человека (сознания), то идеализм есть ложное направление. Русские махисты, с сарказмом писал Ленин, никогда не смогут ответить на вопросы: «Существовала ли природа до человека?», «Существует ли объективная истина?», «Что такое материя?» Здесь перечислены ключевые темы ленинского труда.

Петроград, январь 1918 г.

Отметим, что как наивные материалисты, так и субъективные идеалисты никогда не сомневались, что мир природы существовал до человека. Вопрос лишь в том, какова природа этого знания и каков его источник? Махисты указывали, что источник знаний – это коллективное человеческое познание, а оно всегда неполно и субъективно, и поэтому не существует объективной, т. е. на все времена, вечной истины. Ее не может быть, тем более что человек, двигаясь в своем познании от конкретного (чувственного опыта) к общему и абстрактному, создает нечто вроде иероглифов, которые по своей физической природе не имеют ничего общего с самими вещами. «Понятия», «образы», «иероглифы», «формулы» – это знаки, и они только представляют собой другим людям конкретные вещи, будучи сами совершенно иной природы. А Ленин настаивал на том, что все подобные воззрения «чистая поповщина», что материя первична и вечна, сознание же (дух, «в поповском смысле») вторично. Теория иероглифов или образов, доказывал Ленин, ложная, поскольку вообразить можно и чертей, и русалок, а истина должна быть объективной и не зависеть от человеческого воображения и мнения.

Как позже утверждали советские авторы многочисленных «марксистско-ленинских» писаний: «Ленин дал классическое определение материи», явившееся обобщением всей истории борьбы материализма с идеализмом и метафизикой и новых открытий естествознания. «Материя, – заявил Ленин, – есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».

Работа Ленина сразу же была встречена двумя критическими статьями А. Богданова и Л. Аксельрода (Ортодокса). Об этих статьях не оставлявших камня на камне от философских конструкций уже зрелого и хорошо им знакомого товарища по партии, советские люди узнали только после их переиздания в период демократизации и перестройки в конце XX века. Ленин, как и большинство самостоятельно мыслящих авторов, был обидчив и ревниво относился к чужой яркой и независимой мысли. Пока он сам был эмигрантом, у него не было возможности проявить свое истинное отношение к критике, кроме как при помощи пера. Но после победы в Гражданской войне, став властителем новой Советской республики, Ленин устроил насильственную высылку из страны или поощрял эмиграцию всех

тех, кто когда-либо критиковал его или высказывал противоположные философские и политические взгляды. Так, были изгнаны из страны или выдавлены из нее упоминаемые Лениным в разные годы в разных работах С. Булгаков, Н. Бердяев, Н. Лосский, Р. Виппер и еще несколько сотен самых пытливых и самостоятельных мыслителей-идеалистов: философов, историков, экономистов, социологов, не говоря уже о различных деятелях других партий. Например, после революции Ленин не дал осуществить своему бывшему близкому коллеге Богданову ни один из его социальных проектов, включая знаменитый Пролеткульт. Ленин ревновал к любому, кто интеллектуально был не слабее его. Богданов вынужденно вернулся к своей первой профессии врача и погиб, проводя рискованные эксперименты над собой.

Трагическая судьба многих дореволюционных ленинских оппонентов хорошо известна. Ленин буквально отслеживал любого, кто появлялся на облюбованной им марксистской «поляне». О таких интеллигентах Ленин еще в 1913 г. в письме Горькому писал: «…Все кисляи пошли какие-то поганые». А после выхода книги «Материализм и эмпириокритицизм» только «кисляй» Аксельрод нашел несколько одобрительных слов: «Положительно и важно в этой книге прежде всего то, что автор горячо и страстно защищает истину. Во-вторых, книга не лишена отдельных метких и остроумных замечаний. В-третьих, в этой книге чувствуется живой, свежий, бодрый и революционный тон». Я с ним полностью согласен. У критика нет ни одного поощрительного слова в адрес философской концепции автора.

В наше время философские воззрения Ленина кажутся настолько упрощенными, что никто из серьезных ученых не принимает всерьез так называемую ленинскую теорию отражения, вылепленную в советское время из его полемических философских творений. Судьба учения Маха была совершенно иной, о чем ни один советский человек не догадывался. Такой мировой авторитет как Эйнштейн утверждал, что Мах в своей философии эмпириокритицизма очень близко подошел к открытию теории относительности. «Мах ясно понимал, – писал он, – слабые стороны классической механики и был недалек от того, чтобы прийти к общей теории относительности. И это за полвека до ее создания». Напомню, что в своей философской книге Ленин сам не единожды повторил марксово выражение: «Практика – критерий истины». Открытие атомной энергии практически показало, на чьей стороне оказалась истина: материалиста Ленина или идеалиста Маха и некоторых русских махистов. Показательно и то, что в своей философии Ленин, как

обычно, все разнообразие человеческого мышления разделил на две враждующие половины, одна из которых должна быть повержена. Пока только в теории.

Как сошлись две партийные параллели

Завершая дореволюционный жизненный цикл, Ленин подходил к своему пятидесятилетнему рубежу. Можно перечислить основные жизненные итоги: у него была верная подруга-жена, несколько любовных историй, с десяток преданных соратников и не менее искренних врагов. Добавим к этому огромный шлейф публицистических заметок и публичных выступлений в больших и малых партийных аудиториях. По большей части именно этими способами он участвовал в «выковывании» мировоззрения мирового пролетариата, а заодно и своего собственного. Он написал ряд полемических книг и брошюр, сколотил собственную социал-демократическую фракцию, благодаря интеллектуальным талантам и организационным способностям встал в один ряд с известными революционными деятелями. С нетерпением ждал начала мировой социалистической революции и, как мог, раздувал революцию в России. Если проследить этапы пройденного к этому времени пути, то можно заметить, как Владимир Ильич всего лишь за 20 лет научно-публицистического творчества «заставил» в своих работах перескочить, через целые исторические эпохи отсталую, по его мнению, страну. Под его пером Россия от закоснелой, «реакционной военно-бюрократической, полуфеодальной монархии» стремительно преобразилась сначала в страну бодро развивающегося капитализма и самого боевого революционного пролетариата, затем – в страну, где пролетариат и беднейшая часть крестьянства («т. е. подавляющее большинство» населения) были готовы совершить цепь революций: от буржуазно-демократической сразу же перейти к революции социалистической. Пока же Россия пережила только одну попытку – в 1905–1907 гг. Сколько таких революций произойдет в России еще и когда они свершатся, Ленин не знал, но был убежден, что они неизбежны.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова в автомашине перед отъездом с Ходынского поля после военного парада. Москва, 1 мая 1918 г.

После смерти Ленина, после того как началась схватка между его прямыми наследниками, между Троцким и Сталиным, последний заявлял с высоких трибун, что «Троцкий налгал на Ленина», что Ленин никогда не брал на вооружение троцкистскую теорию перманентной революции. Троцкий до самого убийства в 1941 г. доказывал свой паритет с Лениным в организации Октябрьского переворота, который произошел согласно схемам перманентной революции. Троцкий впервые изложил ее основы в 1906 г., заявив, что благодаря особенностям исторического развития России рабочий класс должен сыграть основную роль не только в решении задач буржуазно-демократической революции, но тут же, без особых и длительных пауз, способен совершить революцию социалистическую. Этим русский рабочий класс покажет пример рабочему классу передовых капиталистических стран, после чего начнется череда социалистических революций во всем мире. Именно такую революционную волну, переходящую из одной фазы в другую, но все более и более возрастающую от одной страны к следующей, т. е. когда местный революционный шторм перерастает в мировую бурю, Троцкий назвал перманентной революцией. Ленин впервые заговорил о возможности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую только в 1909 г.

Конечно же, и Троцкий, и Ленин говорили об одном и том же. Но Ленин всячески избегал определения «перманентная», не упоминал имени первооткрывателя, хотя к концу 1916 – началу 1917 г. оба будущих героя пролетарской революции в России перешли от яростных полемических атак друг на друга к дружественному нейтралитету. Затем, до конца сознательной жизни Ленина, они оба были главными двигателями сначала Октябрьской революции, а затем и Гражданской войны. У них была одна общая, но коренная черта – нетерпение души, страсть профессионального революционера, стремящегося еще при жизни увидеть то, о чем пророчествовали романтики-марксисты и утописты-коммунисты. Никто, кроме этих двоих, даже самые крайне левые, даже ближайшие соратники Ленина и Троцкого не могли себе представить, что в России 1917 года возможна социалистическая революция. Троцкий в отличие от ортодоксальных марксистов того времени (Плеханова и других меньшевиков), исходя из экономической и культурной отсталости России, вывел формулу о слабом звене в ряду передовых капиталистических стран. И Ленин, и Троцкий, каждый со своей стороны, слабое звено разглядели в России. И если меньшевики говорили о социалистической революции как об очень отдаленной перспективе, тем более для России, то Троцкий, опираясь на свою модель перманентной революции, обозначил социалистическую революцию как реальную цель уже для текущего исторического момента. Не ждать, пока революция созреет сама, а захватив вооруженным путем власть и сломав старый государственный аппарат, направить сограждан насильственным путем на светлый путь социализма. После этого страна-первопроходец, начавшая пролетарскую революцию, поддержит своими ресурсами волну социалистических революций во всем мире.

Таким образом, теория перманентной революции предполагала два обязательных фазиса – череду социальных революций в России и последующий каскад пролетарских революций в других европейских странах. Если мировая революция не начнется, то страна, первой ступившая на путь социализма, неизбежно погибнет или переродится, оказавшись одна во враждебном капиталистическом окружении. Никакого социализма она в одиночку не построит, будучи технически отсталой и изолированной враждебным буржуазным миром. Троцкий отыскал термин «перманентная революция» в трудах Маркса и так же, как Ленин, считал себя не левым радикалом или, не дай бог, ревизионистом, а прямым продолжателем их дела. Но Ленин внес и самостоятельный вклад в теорию

перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Последняя крупная работа Ленина, вышедшая накануне Октябрьской революции, называлась: «Государство и революция». Она как раз о том, как, захватив в одной из буржуазных стран государственную власть вооруженным путем, дать старт к мировой социалистической революции. Так вопрос о различных формах помощи стихийно созревающей революции перерос в вопрос о механизме и целях насильственного захвата власти от имени «пролетариата». До революции не только Ленин, но и Троцкий не были заговорщиками-бланкистами. К 1917 г. в этом вопросе Ленин стал троцкистом, Троцкий – большевиком-ленинцем.

На Красной площади. 1918 г.

И по происхождению, и по воспитанию, и по образованию, и по навыкам интеллектуальной работы Ленин был значительно выше той усредненной эмигрантской среды, в которой вращался. Хотя Ленин был прозорливее многих, но и он на четвертый год войны впал в уныние. Все так же каждый день прочитывал и делал многочисленные выписки из русских, швейцарских, шведских, немецких, французских, английских и итальянских газет. Постоянно посещал прекрасную, по его словам, библиотеку Цюриха, писал статьи на русском и немецком языках, делал доклады для соотечественников и швейцарских социалистов. Он завел очередную тетрадь для выписок и начал работать над темой, казалось бы, не имевшей актуального значения для современного состояния Европы и России. По заведенному еще со

студенческих лет порядку приступил к конспектированию и комментированию выписок, сначала трудов Маркса и Энгельса, а затем современных теоретиков и лидеров социалистического движения. И, как всегда, первых он использовал для того, чтобы обвинить вторых в смертных грехах оппортунизма и ревизионизма. Так появилась новая тетрадь с конспектами, которую Ленин назвал «Марксизм о государстве», на основании которой уже в России летом 1917 г. написал и опубликовал очередной, известнейший для бывших советских граждан труд «Государство и революция». Начиная с Платона («Государство»), европейская традиция рассматривала его как механизм, заставляющий различные общества лавировать между разными видами тирании и демократии. А Маркс и Энгельс вслед за анархистами, наоборот, утверждали, что государство есть орудие классового господства и угнетения, и поэтому в будущем бесклассовом коммунистическом обществе государство должно обязательно «отмереть». Ленин даже выписал в свой конспект понравившиеся ему слова Маркса о том, что государство по мере развития из социалистической формы в коммунистическую, по мере перехода к бесклассовому обществу, должно «как бы заснуть» без всякого насилия и революций. Итак, буржуазное государство необходимо использовать для захвата власти, а затем его надо беспощадно уничтожить насильственным путем, поскольку армия, полиция и мировая буржуазия перед своей гибелью будут отчаянно сопротивляться. Это новое государство должно существовать в форме диктатуры пролетариата. Маркс говорил о диктатуре класса, о диктатуре, путем давления, новых общественных отношений. Мысль Ленина проходила рядом с мыслью Маркса, но он уже трактовал «диктатуру» вполне традиционно, как государственную власть, которая должна давить на общество от имени пролетариата.

Был ли Ленин немецким агентом влияния?

Революционер, философ, публицист, интеллектуал, человек, претендовавший на обладание абсолютной истиной и на особо чуткую интуицию, не почувствовал приближения самого главного события своей жизни. Таким событием была не Октябрьская революция, как бы она ни была важна для него, России и всего мира. Важнейшим событием, благодаря которому Ленин смог достичь вершины, той, о которой мечтал, думал и говорил всю жизнь, была Февральская революция 1917 г. Если бы она произошла лет на пять позже, то Ленин по состоянию здоровья уже не смог бы принять участия ни в буржуазной, ни тем более в пролетарской революции. Все, что было в жизни Ленина действительно примечательного, произошло между весной 1917 и весной 1922 гг., т. е. между 48 и 52 годами жизни. Но Февральскую революцию он не предвидел, не предчувствовал, не предвосхитил.

Ленин, как и большинство его соратников, явно отчаялся ждать скорой очистительной бури в России и тем более начала мировой революции в Европе. Сохранилось редкое свидетельство будущего вождя. В начале января 1917 г. он выступил пред молодыми швейцарскими рабочими в помещении Народного Дома в Цюрихе. Его речь была посвящена урокам русской революции 1905 г. Ленин говорил свободно, по-немецки, обращаясь с первым, но не с последним в своей жизни напутствием молодежи: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией… Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Эти фразы опубликованы в пятом издании его собраний сочинений. Там же напечатана одна из его речей, относящаяся к 1918 г., в которой он, вспоминая уроки Февральской революции, прямо признавался в том, что не почувствовал ее приближения. Ленин без особой нужды не строил из себя пророка и прозорливца, хотя тактические предсказания и опережающие шаги, всегда сопровождающие яростную политическую борьбу, делал постоянно и часто с успехом. После Октябрьской революции его соратники настолько были поражены ее удачей и так быстро привыкли к его неординарным политическим ходам, что уверовали в пророческий дар вождя, а после его смерти всячески поддерживали в народе эту почти религиозную веру. В обожествлении Ленина больше всех

преуспел, конечно, Сталин, но и Троцкий приложил свою руку. По его словам, Ленин подметил в себе пророческий дар еще в 1910 г., называя его «антиципацией», т. е. предвосхищением. В свою очередь, Сталин, произнося речь над гробом вождя в январе 1924 г., назвал Ленина ясновидцем. «В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, – вспоминал Сталин, – предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их как на ладони». Миф о провидческих способностях Ленина почти столетие воспроизводился советской пропагандой. На самом же деле Ленин часто ошибался в своих прогнозах и предвосхищениях. Так, он не сумел предугадать важнейшие повороты в российской истории: демократическую Февральскую революцию, поражение Германии в Первой мировой войне, он до конца чуть ли не ежемесячно предсказывал начало мировой социалистической революции и много еще чего. Нет, Ленин не был пророком для своего отечества. Но Октябрьский переворот 1917 г. он не только предвосхитил, но и сотворил.

И хотя будущий вождь мирового пролетариата по крайней мере дважды признавался в том, что он не почувствовал приближения Февраля, этот просчет, в то время когда он был в Швейцарии, мог нанести ему и его делу непоправимый ущерб. Он мог опоздать и пропустить тот особенный момент, когда, окунувшись в стихию революции, он мог быть вознесен ее самым высоким гребнем на вершину «диктатуры пролетариата», с которой, как он думал, только и можно прозреть будущий социалистический мир.

О начале революционных событий в Петрограде чета Ульяновых вместе со всей швейцарской колонией узнала из газет, приходивших с трехдневным опозданием. Маленькую русскую общину залихорадило. По воспоминаниям Крупской, они с Володей часами ходили по улицам Цюриха, обсуждая различные варианты переезда в Россию. Они понимали, что нейтральная Швейцария оказалась со всех сторон окружена воюющими странами, и вариантов скорого возвращения в Россию было мало. Через Францию путь был очень длинным, сложным и опасным, учитывая, что Австро-Венгрия и Турция – союзники Германии. Через Англию дорога также была неблизкой, а главное, англичане всячески тормозили возвращение русских эмигрантов, сажали их в тюрьмы и концлагеря, т. к. многие из них принадлежали к левым, решительным противникам войны «до победного конца». Оставался путь через Германию, но она находилась в состоянии войны с Россией и давно истекала кровью в боях на два фронта.

В. И. Ленин и М. И. Ульянова направляются в Большой театр на заседание V Всероссийского съезда Советов. Москва, 5–9 июля 1918 г.

Как Ленину удалось договориться с немецкими властями о переезде почти двух десятков человек через территорию враждебного государства в нейтральную Швецию, а оттуда через Финляндию в Петроград, до сих пор не ясно. Вскоре после его возвращения, как только выяснилось, что Ленин занял враждебную позицию по отношению к Временному правительству, по отношению ко всем политическим партиям, как партиям «соглашательским» и «предающим революцию», его самого тотчас стали обвинять в предательстве русских интересов и даже в шпионаже в пользу Германии. Что такого важного мог сообщать из России для немецкого генерального штаба немолодой политэмигрант? Но ему действительно угрожали судом, Ленин был вынужден давать в печати Швеции и России не очень внятные объяснения по поводу комфортабельного путешествия по территории кайзеровской империи. В середине сентября 1917 г. Ленин опубликовал в центральном партийном органе большевиков заметку «О клеветниках». В ней он писал – околоправительственные газеты заявили о том, что, по данным «военного министерства», показаниям многочисленных свидетелей и на основании документов, было установлено: ему «Германским правительством было поручено пропагандировать мир». Связь с немцами якобы была установлена через украинских

националистов, также обещавших немцам сепаратный мир в случае успеха их дела. Я храню в своей домашней библиотеке номер «желтого» журнала «Бич», выходившего летом 1917 г. под редакцией будущего советского драматурга А. Амфитеатрова. Примитивно оформленный цветной иллюстрированный номер почти полностью посвящен Ленину и революции. На одной из карикатур он грубо изображен в заляпанном кровью талесе, с веревкой на шее, получающим кошель с тридцатью сребрениками от кого-то в черном балахоне: «Благоволите получить и расписаться, херр Ленин». Этот журнал я приобрел в букинистическом магазине еще в глухие советские времена.

История с «опломбированным вагоном», в котором в первой половине апреля 1917 года проехала через всю Германию группа русских эмигрантов, до сих пор возбуждает споры. Со своей стороны отмечу, со слов Ленина известно, что он попросил помощи в организации переезда швейцарских и шведских социал-демократов, которые в этих странах занимали прочные позиции в парламентских и правительственных сферах. Не перечисляя имен, замечу, что немало левых социал-демократов нейтральной Швейцарии и нейтральной Швеции были пацифистами и в этом вопросе сторонниками циммервальдцев. Они с энтузиазмом встретили известие о демократической революции в России и не забывали о приличествующем подлинным марксистам пролетарском интернационализме. Швейцарцы собрали изголодавшимся эмигрантам и передали Ленину значительную сумму денег (3 тысячи франков), на которую они сумели не только прокормиться в дороге, но и приодеться, правда, уже в Швеции. Известна фотография, на которой изображена группа людей во главе с Лениным, стремительно пересекающая улицу Стокгольма в апрельские дни 1917 г. Ленин в буржуазном котелке с франтоватой тросточкой-зонтиком, в добротном костюме и в пальто. Несносимое драповое пальто и крепкие кожаные ботинки он приобрел себе тогда же. Теперь и то и другое выставлено в его музее. Но по приезде в Россию котелок он больше никогда не носил, заменив его пролетарской кепкой, которую можно было эффектно срывать с головы во время кульминации очередной речи и, зажав в кулаке, размахивать ею над головами тех же пролетариев. Во все времена все политики мимикрируют под вкусы своего электората. С тех пор котелок бесследно исчез, а в сталинское время ни один приличный буржуй, застигнутый революцией, не появлялся без него на советском киноэкране.

В вагоне вместе с Лениным, помимо Крупской, ехала Инесса Арманд с детьми, Григорий Зиновьев с супругой и ребенком, Карл

Радек, Миха Цхакая, супруги Сафаровы и еще около двух десятков менее известных большевиков, меньшевиков, их жен и нескольких детей. Остается ощущение, что Ленин и те, кто ему помогал с переездом, были обеспокоены тем, как будет воспринят в России сам факт пересечения враждебной страны, и поэтому не очень удачно пытались замаскировать его под исход на родину большой и разношерстной группы революционеров. Но никто не сомневался в том, кто лидер группы и кто фактический хозяин в вагоне, даже сопровождавшие их немецкие офицеры. Доходило до смешного: между их местами в вагоне и там, где располагались эмигранты, мелом на полу была проведена черта, которую хозяева страны не смели пересекать. Радушные хозяева изможденной войной империи для детей эмигрантов доставляли свежее молоко и отменно всех кормили. Возможно, за их же счет. Для меня очевидно – немецким шпионом Ленин никогда не был, но, говоря современным языком, его пытались использовать в качестве агента влияния. Какие он брал на себя обязательства, да и брал ли их вообще, неизвестно. Но зато хорошо известно, какие из этих ожиданий оправдались, а какие нет. Но это еще означает и то, что на отдельных людей из германских властных структур Владимир Ильич произвел серьезное впечатление, он им был интересен.

Помимо того, что у Ленина были собственные многолетние контакты с немецкими социал-демократами (К. Каутским, Р. Люксембург, К. Либкнехтом, сидел в это время в тюрьме и др.), возможно, через их связи или связи коллег из нейтральных стран он обратился к немецким властям об условиях пропуска вагона с россиянами. Без прямых контактов с властями ни о каком переезде сомнительных политэмигрантов из враждебной страны речи просто не могло быть. В свою очередь, правительство кайзеровской Германии действительно было заинтересовано в появлении таких как Ленин радикалов на российской политической сцене. Ведь он уже давно призывал к заключению всеобщего мира «без аннексий и контрибуций», а в этом проигрывающий войну Австро-Германский блок был крайне заинтересован. Практически все политические лидеры новой России не решались говорить о мире, призывали к продолжению войны. Ленин не побоялся призывать к миру еще за границей, не побоялся говорить о нем и вернувшись из эмиграции.

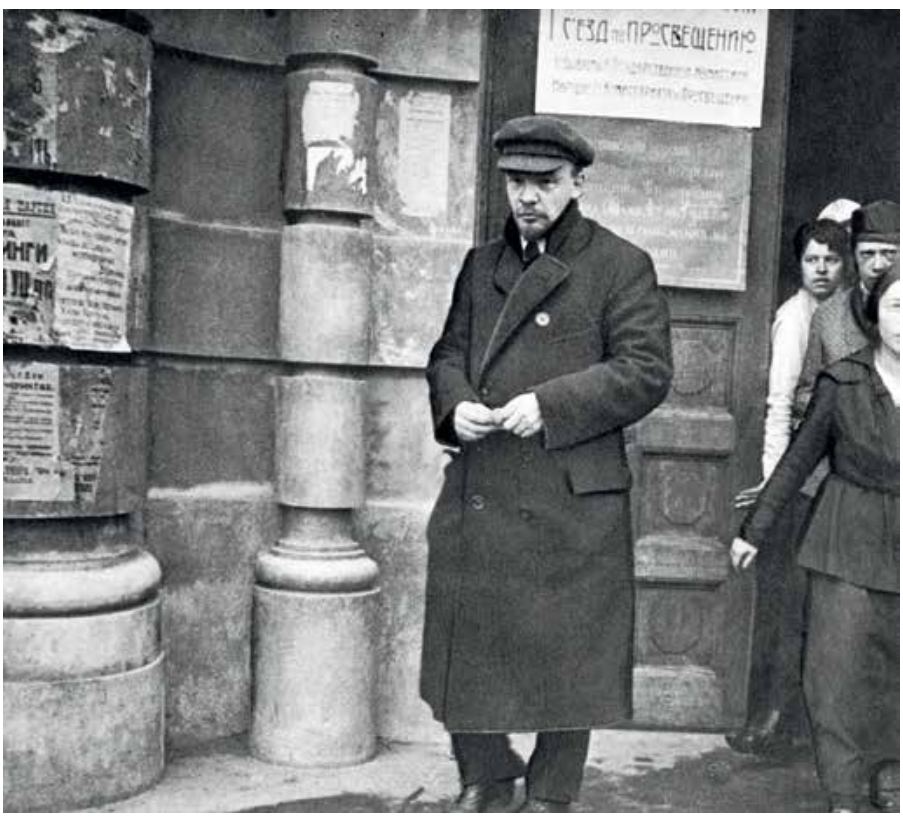
Благожелательное отношение к ленинскому опломбированному вагону могли внушить германским властям и некоторые члены рейхстага из очень влиятельной социал-демократической партии, всю войну поддерживающие усилия своего правительства, пытавшегося переломить ее ход (Ленин

называл их социал-шовинистами). Правда, когда группа немецких социал-демократов дважды попыталась встретиться с ним в вагоне, Ленин демонстративно громко послал их всех к черту. Поведение Ленина между апрелем 1917 г. и германской революцией 1919 г. поневоле наводит на мысль о том, что он все же взял на себя некие обязательства по содействию заключения сепаратного мира с Четверным союзом, но это все же только предположение.

Пассажирский вагон действительно был опломбирован, но чисто условно, т. к. во время остановок людей выводили и поименно пересчитывали. Пломбы были необходимы скорее Ленину для того, чтобы доказать, что во время путешествия ни в какие контакты с немецкими властями не входил, а сам вагон следует рассматривать как экстерриториальную зону. В немецких архивах сохранилась переписка военных и гражданских властей о ходе продвижения этой группы эмигрантов по территории Германской империи. Тем не менее Ленин всю дорогу вплоть до Петрограда демонстрировал опасения за свою жизнь, считал, что его могут арестовать и даже расстрелять. Вряд ли такие страхи имели основания. Вся эта история говорит еще и о том, что в характере Ленина была заложена склонность к риску и даже к авантюрным, малопредсказуемым шагам.

«Апрельские тезисы» и июньские дни 1917 г.

В Швеции, но особенно в городах Финляндии и в Петрограде Ленина встречали как триумфатора. Были банкеты, речи, оркестры, а на площади перед Финляндским вокзалом поставили броневик (страшенную и диковинную по тем временам боевую машину), с башен которого Ленин произнес пламенную речь перед толпой солдат, матросов, горожан и представителей Петроградского Совета рабочих депутатов. Такие пышные встречи были организованы многим видным политическим эмигрантам (Троцкому, например), но Ленин был отмечен особенно пышными почестями. Всю дорогу в бывший дворец балерины Кшесинской, в котором пофракционно обосновались и большевики, и меньшевики, Ленин останавливался и произносил краткие речи. В то же время обращенные к нему приветственные речи коллег из других социалистических партий он пропускал мимо ушей. Он, как всегда, был непримирим.



В. И. Ленин и Н. К. Крупская выходят с заседания I Всероссийского съезда по просвещению. Москва, 28 августа 1918 г.

Добравшись до дворца, Ленин выступил с первой двухчасовой речью перед собравшимися членами своей фракции. По сути, он изложил первый вариант ныне широко известных «Апрельских тезисов». То, что он говорил, было продумано уже давно, возможно, сразу после того, как получил известие о буржуазно-демократической революции в России. Присутствовало около тридцати большевиков, тех, кто успел вернуться из ссылок и из-за границы. С первой минуты слушающие были зачарованы и смущены головокружительными перспективами и программой действий, которую неожиданно предложил прибывший из-за границы лидер фракции. Кратко резюмируя и убирая все тонкости, отмечу, что Ленин открыто заговорил о необходимости немедленно развязать гражданскую войну и предельно откровенно обозначил ее цели. Он заявил, что Февральская революция – это всего лишь прелюдия, это буржуазная революция, совершенная руками российского пролетариата. Это первый этап, после которого, т. е. уже сейчас, необходимо перейти ко второму этапу, к пролетарской социалистической революции. Необходимо (и опять – немедленно!) уничтожить только что созданную республику, а власть передать Советам, земля, банки, имущество помещиков и аристократов должны быть немедленно национализированы. Предложил отказаться от названия «социал-демократическая партия» и переименовать ее в партию «коммунистическую», т. к. все социал-демократы во всем мире заняли шовинистические и соглашательские позиции по отношению к войне и предали идеалы социализма. Присутствовавший на этом собрании видный меньшевик Н. Суханов позже вспоминал: «Я чувствовал себя так, как будто меня били по голове цепами». Похоже, что никто из большевиков, даже Зиновьев, близко знавший Ленина и ехавший с ним в одном вагоне, заранее не знал об этих удивительных идеях своего старшего друга. Как выяснилось позже, некоторым присутствующим, например, Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и, в какой-то степени, Сталину, ленинская идея перманентной революции, идея немедленного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, показалась скороспелой и опасной авантюрой. Но все были заворожены перспективами, которые она сулила для страны, для человечества и для них лично.

На следующее утро Ленин наскоро набросал на клочке

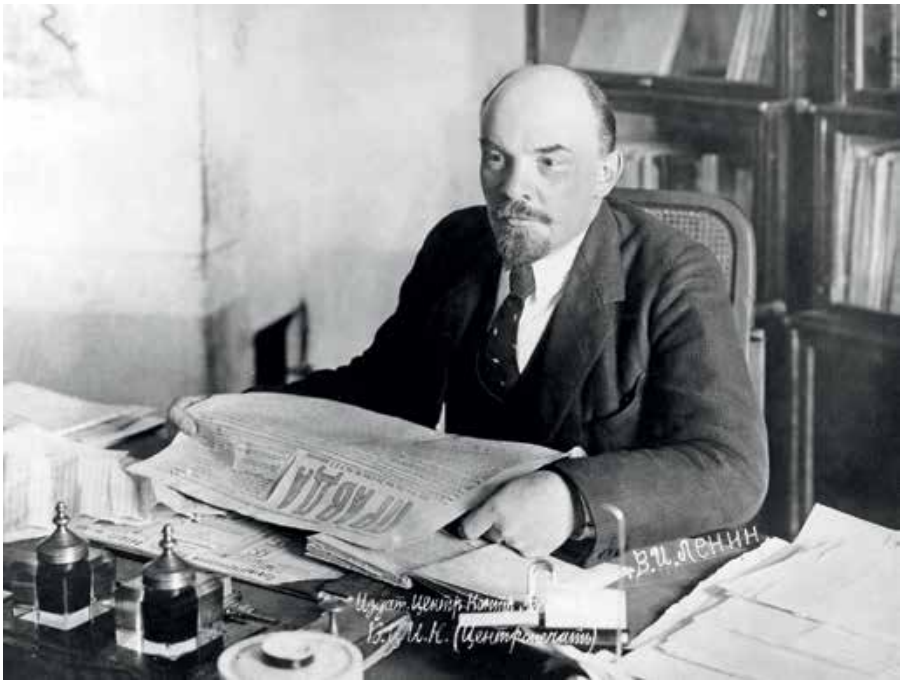
бумаги развернутые тезисы. Это была уже письменно оформленная программа конкретных действий по кардинальному переустройству России на базе того, что было сказано накануне. В первую очередь Ленин потребовал «уничтожения армии, чиновничества, полиции», т. е. станового хребта существующего государства. Впрочем, полиции уже не существовало, а армия разлагалась сама собой. Ленин заявил: на момент перехода от одного этапа революции к другому необходим «максимум легальности». Это очень важный тезис: Ленин всячески пытался уйти от обвинений в бланкизме и ткачевщине, т. е. в желании организовать банальный военный заговор с целью захвата власти. У него речь шла о легальной организации народного вооруженного восстания путем «пропаганды и агитации». Никакая передача земли в собственность крестьян в это время в планы Ленина не входила, т. к. большевики давно стояли за национализацию земли и организацию образцовых аграрных хозяйств в помещичьих усадьбах под контролем Советов батрацких депутатов. В одном из тезисов провозглашалось создание единого государственного банка под контролем Совета рабочих депутатов и, пожалуй, самое главное: «Не введение социализма сразу, а немедленный, систематический, постепенный переход Советов рабочих депутатов к контролю общественного производства и распределения продуктов». Подтвердив предложение о переименовании партии, он поставил вопрос о создании Третьего и на этот раз подлинно коммунистического Интернационала. Несмотря на военное время, весной – летом 1917 г. Россия была самой демократической страной в мире. Ленин постоянно напоминал об этом своим коллегам и призвал, не боясь, вполне легально и открыто взять курс на пропаганду восстания масс, на организацию пролетарской революции.

Вскоре из США через Англию вернулся Троцкий. За ним шла небольшая, но влиятельная группа социал-демократов-«интернационалистов». Ленин первым обратился к нему с предложением объединиться и подготовить условия для нового кардинального общественного переворота, новой революции по близкой Троцкому схеме. Так родился альянс, сыгравший роковую роль в истории России и окружающего ее мира.

В течение весны – лета большевики набирали все больший и больший вес в пролетарских районах Петрограда и других городов, в среде Петроградского гарнизона, матросов Балтийского флота. Неизвестно, на какие средства, но, как

сообщил сам вождь, к лету 1917 г. большевики сумели открыть 27 газет, издававшихся по всей стране массовыми тиражами. В те времена газета и листовка были самыми действенными средствами массовой агитации и пропаганды. Не меньшее место занимала устная агитация, методами которой большевики владели блестяще. Очень хорошими ораторами были Ленин, Зиновьев, Крыленко, Каменев, но самыми выдающимися способностями зажигать массу и подавлять словом противников обладал Троцкий. Большевику Троцкому очень быстро удалось занять место председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов не только потому, что он был выдающимся оратором и организатором, но еще и по старой памяти: во время революции 1905 г., как мы помним, именно он занимал эту должность. Хотя большевистская партия была одной из самых небольших по численности по сравнению с другими массовыми партиями, к осени 1917 г. она достигала, согласно подсчетам советских историков, около 300 тыс. человек. Возможно, эта цифра преувеличена.

В Петрограде начинался распад и анархия. Полиция была давно разогнана, а новая милиция практически бездействовала. По улицам ходили вооруженные патрули неясного происхождения. Временное правительство, которое возглавил эсер А. Керенский, пользовалось достаточно большим влиянием в среде либеральной интеллигенции, сторонников «соглашательских партий», курсантов офицерских училищ (юнкеров). Крайне правые, т. е. монархисты, кадеты, кадровые офицеры, значительная часть православного духовенства были сторонниками сильной руки, восстановления монархии или военной диктатуры для продолжения войны и предотвращения распада государства. На крайнем левом фланге находились большевики, левые эсеры, сторонники немедленной передачи всей земли работающим на ней крестьянам, различные группы анархистов и др. Все они видели близкое будущее России на пути к социализму, а то и к безгосударственному коммунизму.



В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле. Москва, октябрь 1918 г.

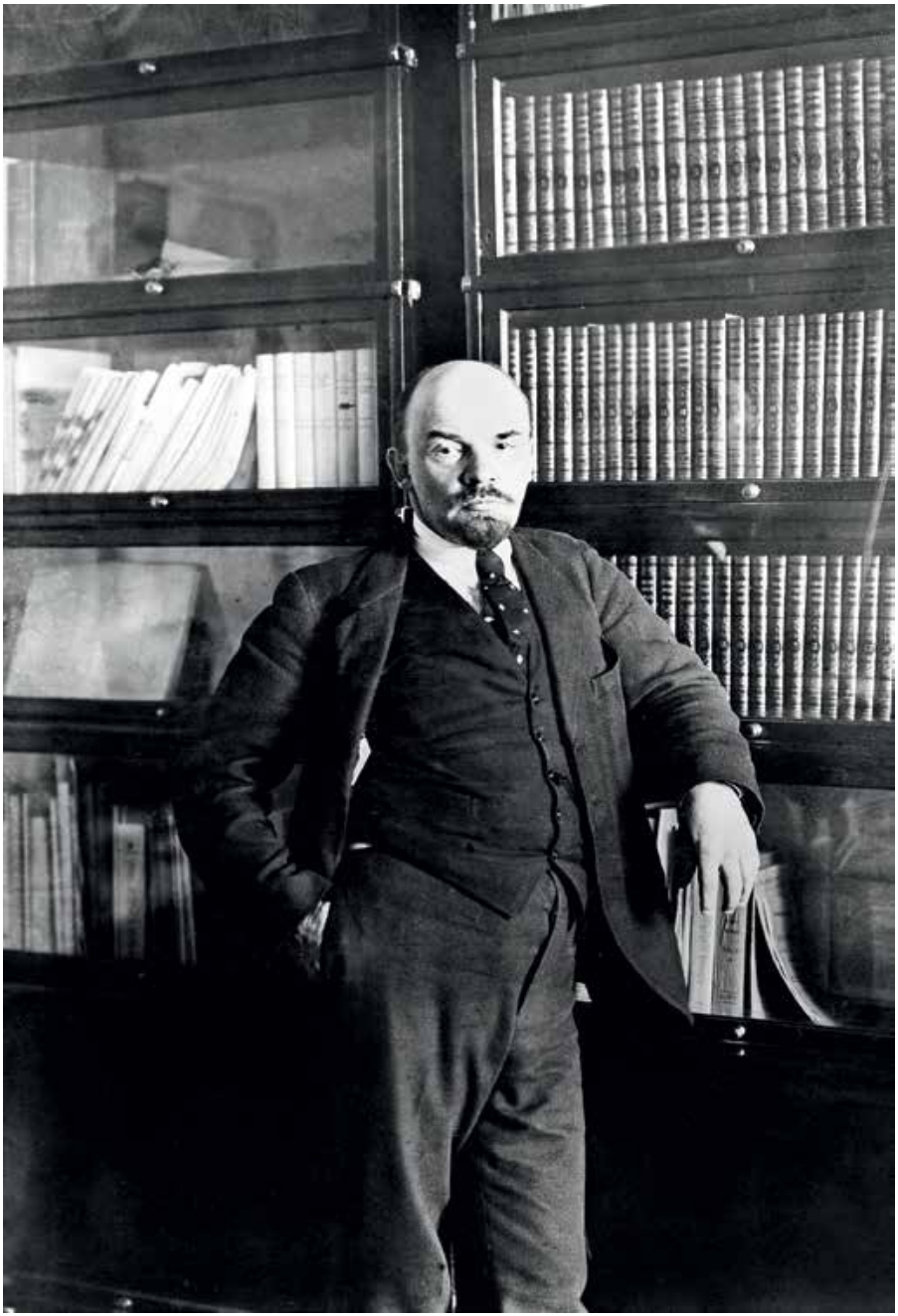
Как показывает история революций, на ранних этапах мощных революционных штормов происходит сильная раскачка государственного корабля: то налево, то направо и обратно. Только мудрые и сильные государственные деятели способны удержать в таких условиях корабль на плаву и на правильном курсе. Керенский и те, кому обстоятельства вручили судьбу государства, не обладали такими качествами. Левые, т. е. большевики во главе с Лениным, попытались первыми развернуть корабль к левым заманчивым берегам. В конце июля Временное правительство решило отправить на разваливающийся германский фронт большую часть Петроградского военного гарнизона, чьи разложившиеся солдаты и младший командный состав все более подпадали под влияние большевистских идей. Большевики в недрах своей партии создали сильную «Военную организацию». Ее активными членами были: Н. Подвойский, В. Антонов-Овсеенко, Н. Крыленко, В. Невский, П. Дыбенко, Ф. Раскольников и еще с десяток человек. Ее вооруженные отряды, захватив склады, активно вооружали отряды рабочих и матросов, умело проводили агитацию среди солдат. Координировал их работу Троцкий и другие члены ЦК. Каменев и Зиновьев также принимали участие в этих событиях. Сталин обеспечивал конспиративные пути отхода вождям в случае неудачи. По

призыву большевиков 3 июля на улицы Петрограда вышла 100-тысячная вооруженная демонстрация с лозунгами, которые сформулировал Ленин: «Долой Временное правительство», «Долой министров-капиталистов», немедленный мир, немедленное полноценное снабжение населения хлебом, немедленный контроль над производством самих рабочих. Слово «немедленно» постоянно звучало в статьях и речах Ленина того времени; он суетно торопился, он горячился, его охватил азарт революции, которым он, в свою очередь, заражает соратников, а те «народные массы». В Ленине была эта природная, врожденная страсть нетерпеливого бунтаря, рискового игрока, которая в полной силе проснулась в нем в летне-осенние дни 1917 г.

Лозунг «Земля – крестьянам!» он выдвинул несколько позже. К этой идее он пришел, познакомившись со сводкой 242 наказов местных крестьянских Советов, опубликованной партией эсеров, которые готовились к Всероссийскому съезду крестьянских депутатов. Как всегда, в нужную минуту проявив себя гибким политиком, он убил сразу двух зайцев: привлек на свою сторону значительную часть крестьянства и левую половину крестьянской партии социалистов-революционеров. И тем и другим не терпелось, им надоело ждать окончательного решения аграрного вопроса. Русские крестьяне ожидали его уже несколько столетий. Временное правительство, не имевшее полномочий принимать судьбоносные решения, ждало созыва Учредительного собрания, которое должно было иметь все права, но которое, как им казалось, откладывалось месяц за месяцем. А со времени Февральской революции прошло всего лишь четыре месяца.

Три дня вооруженные отряды маршировали по улицам города, выкрикивали лозунги, провоцировали бестолковые инциденты с человеческими жертвами, выкрикивали призывы арестовать Временное правительство, которое никуда пока не пряталось. Керенский вызвал верные части с фронта, и… все закончилось стрельбой. Троцкого и Каменева арестовали; Ленин вместе с Зиновьевым успел бежать в ныне знаменитую деревню Разлив, где они вместе скрывались в шалаше финского крестьянина-большевика. Остальные партийные руководители спокойно продолжали свое дело на свободе. Все они отрицали, что пытались организовать путч, а Ленин даже утверждал, что партия не была инициатором выступления, а из солидарности присоединилась к «стихийно» (?) восставшему и вооружившемуся народу. Народ, мол, поторопился, рано поднялся. Думаю, что июльские события были неудачной пробой пера, связанной со страхом ответственности, по крайней мере, части руководителей, а главное, с намерением уйти от обвинений в бланкизме. Ленин и

его соратники еще прислушивались к мнению коллег из меньшевистского крыла. Скорее всего, большевики надеялись, что вооруженные и раскаленные толпы рабочих, солдат, матросов и не всегда уравновешенной левой интеллигенции стихийно кинутся громить и захватывать правительственные учреждения так, как это случилось во времена французской революции 1793 г. и в какой-то степени в феврале 1917 г., в Петрограде. Но этого не произошло, и у большевиков должны были полететь головы, но и этого не произошло, хотя Ленин вновь не скрывал опасений за свою жизнь.



В. И. Ленин у книжного шкафа в своем кабинете в Кремле. Москва, октябрь 1918 г.

Дело в том, что российский государственный корабль тут же резко качнулся, но теперь вправо. В последние дни августа, первые дни сентября начался военный мятеж, возглавляемый героем войны генералом Л. Корниловым. В условиях, когда почти

те же самые войска, которые участвовали в разгоне большевистской «демонстрации», теперь сами организовали военный мятеж, Временное правительство было вынуждено обратиться за помощью к большевикам и другим левым. Ленин сначала даже испугался слишком большого сближения с буржуями и «соглашателями», но Корнилов общими усилиями был остановлен на подступах к Петрограду и арестован. Тут же, почти без паузы, началась очередная попытка теперь уже большевистско-лево-эсеровского вооруженного восстания.

Октябрь – как это было

Был сформирован общий Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, куда вошло два представителя левых эсеров. В результате этого восстание приобрело «многопартийный» статус. Ленин еще яростнее стал настаивать на новой попытке теперь уже открыто запланированного вооруженного переворота. Дело в том, что на 25 октября 1917 г. намечалось открытие Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Накануне стало понятно, что ленинские радикалы впервые набирают на нем значительное большинство. Вождь (теперь уже действительно – вождь!), которого поддержали Троцкий и большинство в ЦК, предложил совершить переворот от имени и силами Военно-революционного комитета Петроградского Совета, поставив Всероссийский съезд Советов перед фактом захвата власти. Отсюда знаменитые размышления Владимира Ильича в письмах к товарищам из подполья о том, что 24 октября начинать революцию рано (не все делегаты соберутся), а 26-го будет поздно, т. к. делегаты могут погрязнуть в сомнениях. Так что 25 октября 1917 г. назначить революцию будет в самый раз. Расчет вполне рациональный и точный. Конечно, «народным» такое запланированное вождем восстание не назовешь. При жизни Ленина долгое время так и называли – «Октябрьский переворот», постепенно заменяя на «Октябрьская революция», а со временем на «Великая Октябрьская социалистическая революция». По плану большевизированный Второй Всероссийский съезд Советов должен был легализовать переворот, от своего имени сформировать новое «пролетарское» правительство и немедленно приступить к осуществлению ленинской программы «социалистической революции». Все произошло так, как задумал вождь.

Если Ленин был душой восстания, так сказать, вдохновителем, то Троцкий был его разумом, действительным организатором и исполнителем. Петроградский Военно-революционный комитет – это детище Троцкого, и он там верховенствовал. И хотя именно Ленин назначил точный день восстания, саму идею приурочить его к открытию Второго съезда Советов предложил Троцкий. Услышав о планах нового вооруженного мятежа, руководящая верхушка большевистской партии раскололась. Зиновьев и Каменев открыто выступили против него, ссылаясь на предыдущий печальный опыт, указывая,

что наличных сил для нового восстания не хватит, и надо, используя «советы», переходить к легальным методам борьбы за социализм. В их протесте чувствовалась усталость от рискованных экспериментов признанного партийного вождя и очень близкого для них старшего друга. Почти все партийные соратники Ленина были много моложе его, но нетерпения и рисковой страсти у Ленина было значительно больше. Некоторые члены ЦК – кто явно, а кто уклончиво – их поддержали.

Ленин был взбешен не столько тем, что «штрейкбрехеры» выдали тайну заговора. Ведь никакой особой тайны не было – заседания и приготовления проводились на глазах у всех, а Временное правительство, зная это, проявляло полную беспомощность и некомпетентность. Ленин же был возмущен тем, что в решительную минуту они отступили от него (ну почти, как от Христа известные апостолы!) и испугались исторической ответственности. «Штрейкбрехеров» поддержал даже давний ленинский друг Максим Горький, опубликовавший накануне восстания отречение Зиновьева – Каменева и другие разоблачительные материалы в своей газете. Поэтому никакого тайного заговора, в точном смысле этого слова, не было. Ленин же в печати заявил, что Каменева и Зиновьева не считает больше товарищами, и предложил им создать свою «оппортунистическую» партию. Он легко сходился с людьми на идейной основе и так же легко расходился, даже с давними друзьями.

Используя опыт июльских событий, Троцкий, уже почувствовавший свою властную силу, не стал поднимать большие вооруженные массы. Хватало что-то около 20 тысяч вооруженных красногвардейцев, матросов, солдат, недоучившихся студентов, десятка броневиков и пушек, да еще целого крейсера под символическим названием «Аврора», подведенного почти под самые стены Зимнего дворца. Во дворце сидело Временное правительство, как в добровольной мышеловке. С противоположного берега Невы дворцу угрожала артиллерия Петропавловской крепости. Это была первая военная операция, проведенная под командованием Троцкого, будущего председателя Реввоенсовета будущей Рабоче-крестьянской республики. Троцкий координировал движение «масс». Он направлял их, как предначертал Ленин: на захват правительственных учреждений, почты, телеграфа, телефона, некоторых банков, редакций наиболее влиятельных газет, Генерального штаба. Их основная цель – Временное правительство.

В течение дня дворец не спеша окружили довольно жидкой

цепью. Члены правительства много раз могли уйти из дворца и принять участие в организации сопротивления. Многие объекты захватывались отрядами по пять – десять человек и бескровно, но некоторые правительственные здания и казармы юнкера защищали отчаянно. Появились первые и с этого времени далеко не последние жертвы социалистической революции. В Смольном, на только что открывшемся Втором Всероссийском съезде советов лидер меньшевиков Ю. Мартов попросил слова и прохрипел: «Гражданская война началась, товарищи!» Но до самого момента ареста члены Временного правительства могли пользоваться телефоном и телеграфом, который находился на чердаке Зимнего дворца. Бесполезно. Бежавший из Петрограда Керенский и его правительство неудержимо теряли поддержку в народе и в войсках. Либеральную и демократическую Россию почти на сто лет изгоняли из политической жизни российского общества.

А там, в самых дальних комнатах Зимнего, непрерывно «заседало» правительство, не имея средств и воли ни для сопротивления, ни для побега. Казаки в ночь на 25 октября ушли, заявив, что не их дело защищать правительство, юнкера (недавние школьники, студенты, мещане и рабочие, имеющие хотя бы начальное образование) тоже по большей части разбрелись. Остались женский батальон и пожилая обслуга Зимнего дворца. К чести членов Временного правительства надо отметить, что они не сдались, несмотря на ультиматум Антонова-Овсеенко и устрашающий обстрел из пушек Петропавловской крепости и пары выстрелов из орудий крейсера «Аврора». Один из бесстрашных министров-капиталистов нашел осколок от снаряда и водрузил его на стол вместо пепельницы. Затем начался штурм дворца. На самом же деле вооруженная толпа с разных сторон с шумом и выстрелами ворвалась в его покои, по ходу движения прихватывая драгоценные вещи. Надо отметить и уже к чести руководителей штурма: они приняли меры, и многое удалось изъять на выходе. Членов Временного правительства арестовали и, с трудом пробившись сквозь разбушевавшуюся толпу, препроводили в Петропавловскую крепость. Позже В. Маяковский в своей знаменитой поэме вслед Временному правительству прогудел: «Кончилось ваше время, слазь!»

В. И. Ленин и В. Д. Бонч-Бруевич во дворе Кремля. Москва, октябрь 1918 г.

В дни переворота обстановка в городе была удивительно беспечной. Об этом сообщают многие очевидцы. Джон Рид – вездесущий американский журналист – писал: «В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный…

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их повисли мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне. За ночь стены покрылись новыми прокламациями и призывами, предостерегавшими против восстания».

Но все эти призывы перебивала одна прокламация. Она была издана от имени Военно-революционного комитета:

«К гражданам России.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Военно-революционного комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства – это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян».

Воззвание было написано Лениным 25 октября 1917 г. в 10 часов утра, т. е. за много часов до решающего штурма Зимнего дворца. Телеграмма с воззванием пошла в войска, а правительство все еще заседало. Так он презирал «либералов» и так был уверен в своем праве на власть.

Ленин до вечера 24 октября скрывался на конспиративной квартире, а переворотом «заведовал» Троцкий, но и все остальные члены ЦК большевиков и левых эсеров проявляли инициативу. В лоно партии и к непосредственной работе по организации вооруженного восстания в Смольный вернулись Зиновьев и Каменев. За это Ленин их простил, но помнил «штрейкбрехерство» всю жизнь. С тех пор и до самой ленинской кончины они были верными товарищами и такими же, как он, жестокими людьми. Где скрывался Сталин и почему – не ясно до сих пор. А Ленин записками нетерпеливо подстегивал руководителей восстания. В одной из последних он писал: «Промедление в выступлении смерти подобно». Наконец, не выдержав ожидания и боясь очередного срыва, переоделся и в сопровождении всего лишь одного товарища отправился пешком через весь напичканный вооруженными людьми Петроград. Н. Суханов так описал его появление в Смольном: «Когда я вошел, на трибуне стоял и горячо говорил незнакомый лысый и бритый человек. Но говорил он странно знакомым хрипловато-зычным голосом, с горловым оттенком и очень характерными акцентами на концах фраз… Ба! Это – Ленин. Он появился в этот день после четырехмесячного пребывания в «подземельях». Действительно, для большей конспирации Ленин сбрил многолетнюю бороду, надел густой парик, сверху набросил картуз, прихватил паспорт на имя рабочего Иванова и в таком клоунском и всеми узнаваемом виде явился завершать революцию. Ленина многие узнали в коридорах Смольного, а на трибуне он стоял уже без камуфляжа и действительно бритый.

Делегаты вели себя свободно, за широкими колоннами громко разговаривали, в прокуренном воздухе стоял густой сизый дым. Ленин никогда не курил, но с этого времени сносил «пролетарскую» привычку курить в публичных местах даже от своих коллег. Зал действительно встретил Ленина бурными овациями, т. к. на съезде остались в основном большевистские делегаты. Ленин выступал несколько раз, а во время первой речи произнес знаменитую фразу: «Товарищи! Социалистическая революция, о необходимости которой говорили большевики, свершилась!» Путаясь, зачитал неразборчиво набросанные его же рукой на разрозненных листках первые декреты: «Декрет о мире» и «Декрет о земле». Первым воюющие народы призывались к немедленному заключению всеобщего мира без аннексий и контрибуций. Вторым декретировалась немедленная передача всей помещичьей, удельной, церковной и монастырской земли работающим на ней крестьянам на основании уравнительного землепользования. Слово «декрет» заимствовано из грозного языка Великой французской революции и означает непреложный «закон», решительное «постановление». С этого времени, по личной инициативе вождя или с его одобрения, народ будут заваливать декретами, как с грандиозными замыслами и, решениями, так и с пустяковыми постановлениями, тем не менее одинаково ломающими и уничтожающими сложившуюся социальную структуру общества, его экономику, его многовековые и разнообразные культуры.

В. И. Ленин произносит речь на открытии временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу. Москва, 7 ноября 1918 г.

Одобренный Съездом состав нового Советского правительства, получивший название «Совет народных комиссаров» (СНК), конечно же, возглавил Ленин, но не обошлось и без политического кокетства. По словам Троцкого, когда они обсуждали название и состав будущего СНК, Ленин, понимая, что революция была совершена руками заново обретенного соратника, предложил именно ему должность председателя. Троцкий категорически отказался, а Ленин с тех пор стал говорить, что «нет в партии лучшего большевика, чем Троцкий».

Последнее подтверждается другими источниками и тем, что Троцкий при Ленине постоянно занимал вторые по значимости государственные посты: нарком по иностранным делам, председатель Реввоенсовета республики (фактически – военный диктатор). Ленин мог быть благодарным человеком, тем более что альянс с Троцким был для его дела победоносным. Но Ленин нередко проявлял благодарность и менее значимым коллегам и по менее значимым поводам.

В последовавшие за переворотом дни, когда разнокалиберные противники Ленина безуспешно пытались хоть что-то предпринять, Джон Рид записал такой уличный диалог между студентом и солдатом. Первым начал студент: «Я думаю, вам ясно, – вызывающе говорил он, – что, поднимая оружие против своих братьев, вы становитесь орудием в руках разбойников и предателей».

«Нет, братишка, – серьезно отвечал солдат, – не понимаете вы. Ведь на свете есть два класса: пролетариат и буржуазия. Так что ли? Мы…»

«Знаю я эту глупую болтовню! – грубо оборвал его студент. – Темные мужики вроде вот тебя наслушались лозунгов, а кто это говорит и что это значит – это вам невдомек. Повторяешь, как попугай!..» В толпе засмеялись… «Я сам марксист! Говорю тебе, что то, за что вы сражаетесь, – это не социализм. Это просто анархия, и выгодно это только немцам».

«Ну да, я понимаю, – отвечал солдат. На лбу его выступил пот. – Вы, видно, человек ученый, а я ведь простой человек. Но только думается мне…»

«Ты, верно, думаешь, – презрительно перебил студент, – что Ленин – истинный друг пролетариата?»

«Да, думаю», – отвечал солдат. Ему было очень тяжело.

«Хорошо, дружок! А знаешь ли ты, что Ленина прислали из Германии в запломбированном вагоне? Знаешь, что Ленин получает деньги от немцев?»

«Ну, этого я не знаю, – упрямо отвечал солдат. – Но мне кажется, Ленин говорит то самое, что мне хотелось бы слышать. И весь простой народ говорит так. Ведь есть два класса: буржуазия и пролетариат…»

«Дурак! Я, брат, два года высидел в Шлиссельбурге за революцию, когда ты еще стрелял в революционеров да распевал «Боже, царя храни»! Меня зовут Василий Георгиевич Панин. Ты обо мне никогда не слыхал?»

«Не слыхал, извиняюсь… – смиренно отвечал солдат. – Я ведь человек неученый. Вы, должно быть, большой герой…»

«Вот именно, – уверенно заявил студент. – И я борюсь с большевиками потому, что они губят Россию и нашу свободную революцию. Что ты теперь скажешь?»…

«…только два класса, – упрямо продолжал солдат. – И кто не за один класс, тот, значит, за другой…»

Некий французский офицер, наблюдавший схожую сцену, насмешливо воскликнул: «Ах, эти русские! Что за оригиналы!.. Хороша гражданская война! Все, что угодно, только не дерутся…» Француз ничего не понял.

Ленин одним махом добился того, что организованная им революция действительно разорвала Россию на два непримиримых класса. Не важно, что в действительности социальных классов было больше, и они занимали разные положения в обществе и по отношению друг к другу. Для простого человека их теперь было всего два: «свой-друг» и «чужой-враг», «и кто не за один класс, тот, значит, за другой». Так возникло два виртуальных мира: мир «красных» и мир «белых», закрепленные цветами кокард на шапках и фуражках. А перед надутым дураком студентом стоял, как он, в свою очередь, думал, дурак солдат, оболваненный «немецким шпионом». Так обе стороны сошлись в готовности к бескомпромиссной гражданской войне, которая не заставила себя долго ждать. Как мы помним, Ленин предполагал, что в результате этой внутренней войны все эксплуататорские классы будут уничтожены социально, а при сопротивлении – физически, что явится необходимым следующим актом победоносной социалистической революции в России и во всем мире. Малозаметным событием для современников стало учреждение 20 января 1918 г. Чрезвычайной комиссии (ЧК, затем ВЧК) для борьбы с контрреволюцией и саботажем при СНК. С тех пор засверкал «карающий меч революции», а точнее, ее секира, с годами учащая удары, подобно тысячам гильотин Робеспьера. Ленин любил, когда его сравнивали с этим «Неподкупным» якобинцем.

В биографии Ленина революция 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 г. стала самым значительным событием, самым высоким жизненным пиком. Как это часто бывает у многих, его жизнь, его судьба после наивысшего подъема сначала медленно, потом быстрее, а затем стремительно пошла на снижение.

Вождь гражданской войны

Так называемое триумфальное шествие советской власти по городам и весям России стало вторым, после Октябрьского переворота, актом Гражданской войны. В течение нескольких месяцев местные большевики воспроизводили петроградский сценарий: от имени «советов» брали власть, где вооруженным, а где бескровным путем. Дольше всех сопротивлялась Москва, куда на подмогу большевикам пришлось отправить эшелон с балтийскими матросами и красногвардейцами. Первые захоронения у Кремлевской стены появились именно тогда. От греха подальше, т. е. подальше от германского фронта, советское правительство 10 марта 1918 г. переехало в Москву. Фронт окончательно распался, вооруженные солдаты толпами разъезжались по деревням. Пока Троцкий вел сложные переговоры об условиях мира, немцы захватили большую часть Украины, и тогда Ленин ради спасения советской власти (и себя в ее составе), вынудил своих соратников принять Брестский мир, который он сам называл позорным и похабным.

Президиум I конгресса Коминтерна в Кремле. Москва, 2–6 марта 1919 г.

17 июля того же года в подвале дома инженера Ипатьева, в

Екатеринбурге, была расстреляна семья последнего всероссийского императора Николая II. Помимо супругов, были убиты дочери, малолетний сын и несколько близких людей. В других местах расстреляли оставшихся членов императорской фамилии. Не было ни суда, ни следствия, ни обвинений. Убили тайно, захоронили тайно, как будто стерли с лика земли. Спорили и спорят до сих пор о том, знал ли Ленин о расстреле и кто из центра отдал приказ Уральскому Совету, организовавшему расстрелы? Ленин совместно с Я. Свердловым и И. Сталиным, без сомнения, знал о намерениях уничтожить Романовых, но сделал вид, что все произошло без ведома центральной власти. Дело было не только в том, что он тем самым как бы рассчитался за повешенного брата и всех погубленных революционеров. Решение было рациональным и, конечно, целесообразным с точки зрения защиты и спасения пролетарской революции. Любой член царской семьи мог стать знаменем в борьбе с большевизмом, узурпировавшим власть. Получилось, что людей убили загодя, «впрок», исходя только из опасений возможных осложнений. Однако история человечества знает бесчисленное количество подобных примеров, и почти никто в таких случаях не думал о морали. В недалекие еще времена родственники русского царя убивали своих родственников (в том числе детей) из тех же соображений. Точно так же вели себя белые. Ленин и все его окружение точно знало, что, если они проиграют Гражданскую войну, их ждет не лучшая участь. Например, казачьи атаманы Мамонтов и Шкуро обещали после взятия Москвы развесить большевиков на кремлевских стенах и фонарных столбах. Гражданская война – самая аморальная война из всех известных войн. Ленин не мог не знать об этом.

Через полтора месяца после расстрела царской семьи, 30 августа 1918 г., на Ленина было совершено покушение эсеркой Фанни Каплан. Существует мнение о том, что в действительности покушения не было, а была грандиозная провокация, послужившая поводом для начала красного террора. Это малоправдоподобная версия, хотя покушение действительно было использовано как повод для усиления репрессий. На самом деле и красный и белый террор начался почти сразу после Октябрьского переворота. Еще в Петрограде неудачно покушались на Ленина, отдельные покушения были на нескольких видных большевиков, уже убили Володарского. В свою очередь, ВЧК действовала не в ответ, а на опережение. До нашего времени дошли пистолет, из которого стреляла Каплан, одна из пуль, извлеченная из тела Ленина, и простреленная одежда вождя. Есть протоколы посмертного вскрытия и описания ранений. Слишком много улик,

перепроверить которые нетрудно.

Отважная женщина подошла очень близко к садящемуся в автомобиль Ильичу и почти в упор три раза выстрелила в него. Она была подслеповата, а потому раны оказались не смертельными, но опасными. Одна из пуль пробила навылет левое предплечье и плечо, другая застряла в шее под челюстью, в нескольких миллиметрах от артерии. Третья пуля убила случайную женщину. Позже кто-то из врачей предположил, что застрявшая пуля могла спровоцировать болезнь вождя (склероз сосудов головного мозга), от которого он и умер. Это было первым и единственным боевым крещением Ленина, но после него он не стал вести себя мягче, человечнее, понимая, что такое боль, страдание и страх смерти. Он не стал трусливее, а, напротив, с маниакальным упорством призывал своих соратников к еще большей беспощадности к врагам. Ленин еще не оправился от ранений, а большевики от имени советской власти объявили «красный террор в ответ на террор белый». Гражданская война вступила в очередную и высшую стадию.

Разрозненная и разномыслящая контрреволюция, наконец, начала концентрироваться на дальних окраинах России. На юге, спасаясь от самосудов, грабежей и ЧК, собрались офицеры царской службы, курсанты офицерских училищ, казаки, бывшие предприниматели и помещики, монархически, националистически и либерально настроенная маститая интеллигенция. Они строили планы реставрации монархии, но большинство склонялось к монархии конституционного типа, с обязательным возвратом части старинных привилегий. Собралась довольно внушительная сила, которая, вооружившись с помощью Антанты, под командованием генерала Деникина двинулась от Черноморского побережья через Киев на Москву. С востока, из Сибири, адмирал Колчак, объявив себя верховным правителем России, со значительными силами перешел Урал, также нацеливаясь на Москву. С запада генерал Юденич пытался организовать поход на Петроград. Всех этих белогвардейцев Антанта рассматривала как своих союзников, оставшихся верными царским договорам, и видела в них заградительные отряды от идей социализма и экспорта революции (гражданской войны). Владивосток заняли войска Японии и США, Крым – Франции и др., Архангельск – английские оккупанты. Так к Гражданской войне присоединилась иностранная военная интервенция. А Гражданская война уже бушевала не только на фронтах и в крупных городах, но и в деревнях, аулах, кишлаках. Различные атаманы собирали целые армии из крестьян, казаков, анархистов, националистов и бандитов. Не было в России места,

где бы не убивали своих, потом чужих и снова своих. Даже в столицах, где работала милиция, уголовный розыск и ЧК, процветал бандитизм. Однажды ограбили и отобрали автомобиль у самого Ленина. Общество раскололось не только по классовому признаку. Классы, сословия, нации раздробились на множество лагерей. В реальной жизни все границы были размыты, и только в голове Ленина все враги, из какого бы класса, сословия, нации или конфессии они ни происходили, были «буржуями или прихвостнями буржуазии». Ленин заложил принципиальные основы будущей советской пропаганды, навеки разделившей все человечество на «своих» и «чужих».

В. И. Ленин произносит речь перед войсками Всевобуча на Красной площади. Москва, 25 мая 1919 г.

На этой основе у многих советских людей выросло чувство исключительности под маркой «строителей нового социалистического общества». Но ни Маркс, ни Энгельс не оставили для потомков никаких реальных планов строительства, никаких конкретных описаний того, как должен выглядеть социализм, к чему надо стремиться всем человечеством. Для Маркса, Энгельса, а от них и для Ленина были понятны только отдельные моменты. Первое – необходимо взять власть и установить политическую диктатуру пролетариата. В октябре

1917 г. этот пункт Ленин как будто выполнил. Со следующей задачей, которую Энгельс сформулировал так: «Передать средства производства производителям в их общее пользование», Ленин справился быстро, национализировав основные отрасли промышленности, назначив новых управляющих в лице фабрично-заводских комитетов. В-третьих – справился и с крестьянами, которых сам же сделал фактическими собственниками земли, т. е. с мелкой буржуазией. Но, поскольку «социализм (по Энгельсу) специально направлен против эксплуатации наемного труда», Ленин объявил союзниками пролетариата в социалистической революции только беднейшее крестьянство, не эксплуатировавшее чужой труд. Богатых и верхний слой середняков сознательно отправил в стан врагов.

В. И. Ленин закладывает первый камень в основание памятника К. Марксу на площади Свердлова. Москва, 1 мая 1920 г.

После этих действительно эпохальных реформ единственным собственником должно было остаться государство, а точнее, собственником должна была стать та правящая верхушка, которую возглавил вождь. Но для полного успеха социализма необходимо было создать механизм контроля за всем этим необъятным хозяйством. И об этом позаботились классики, а Ленин задачу сформулировал так: «Социализм – это учет и

контроль». И все! Больше о социализме ничего не было известно. В результате всех этих действий родилось то, что получило название «военный коммунизм», а в наше время можно назвать первым, еще несовершенным вариантом тоталитаризма. В результате всю Гражданскую войну ничего не производили, но создали огромный бюрократический аппарат, который, кормя себя, занялся всеобщим учетом и распределением того, что осталось от царских времен. Заводы стояли без сырья и нового оборудования, города замерзали, транспорт развалился. В стране, первой вступившей на путь социализма, наступил голод и разруха. Тогда взялись за крестьянство: давно сложившееся общинное и частное владение землей не отменили, но зато направили по деревням вооруженные экспедиции (продотряды), которые силой отбирали чужой хлеб.

Странным и чудовищным был этот переход от социалистической революции к коммунизму, пусть и военному. Родился новый собственник, тоталитарное государство, которое никогда уже добровольно не откажется от всего, что в нем есть, и никогда само собою не «заснет», не отомрет, не растворится в блаженной коммунистической формации. Но, рожденное в крови и железе Гражданской войны, оно еще только искало свои рациональные формы. Именно так возникла при Ленине не предусмотренная Марксом новая общественно-экономическая формация – так называемый государственный капитализм, подозрительно похожий на «восточную деспотию» с азиатским способом производства. Это такой способ жизни, описанный также Марксом, когда государственная бюрократия становится единственным собственником, а тот, кто возглавляет госаппарат (деспот), становится собственником самого государства. Ленин метил в далекое будущее, а попал в далекое прошлое.

Ленин прекрасно понимал, что он строит. Еще накануне революции он писал: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией». Волшебным образом государственная монополия на все под пером Ленина, под его властью и властью соратников превратилась в социализм. Окончательно оформится эта тоталитарная модель только в эпоху следующего вождя. Но, будучи даже очень несовершенной, тотальная мобилизация подвластной части общества позволила советской власти уже тогда сосредоточить все наличные ресурсы и победить в Гражданской войне. Цена победы в Гражданской войне равна цене победы над братом, сыном, отцом.

Все годы войны Ленин был необыкновенно активен. Он с удовольствием исполнял роль главного редактора решений правительства, контролера за их исполнением, верховного распределителя ресурсов, кадровика, партийного гуру и морального авторитета. Точнее, он отменял все моральные запреты для своих более молодых товарищей, коллег, партийцев и красногвардейцев. В своей обычной жизни Ленин не был злым и кровожадным человеком. Он заботился не только о тех, кого любил, но и о тех, с кем прошел долгий путь борьбы. Всему этому есть много достоверных свидетельств. Но непреклонное стремление к цели и к удержанию власти любыми средствами превратило его, интеллектуала, в рационально мотивированного холодного диктатора. Пролить кровь даже заведомо «добрых людей» он не боялся. Приведу только два достоверных примера, хотя сейчас их известно множество.

В. И. Ленин на площади Жертв Революции. Петроград, 19 июля 1920 г.

В воспоминаниях Троцкого описан такой эпизод: «Наспех сколоченные полки и отряды, преимущественно из разложившихся солдат старой царской армии, как известно,

весьма плачевно рассыпались при первом столкновении с чехословаками.

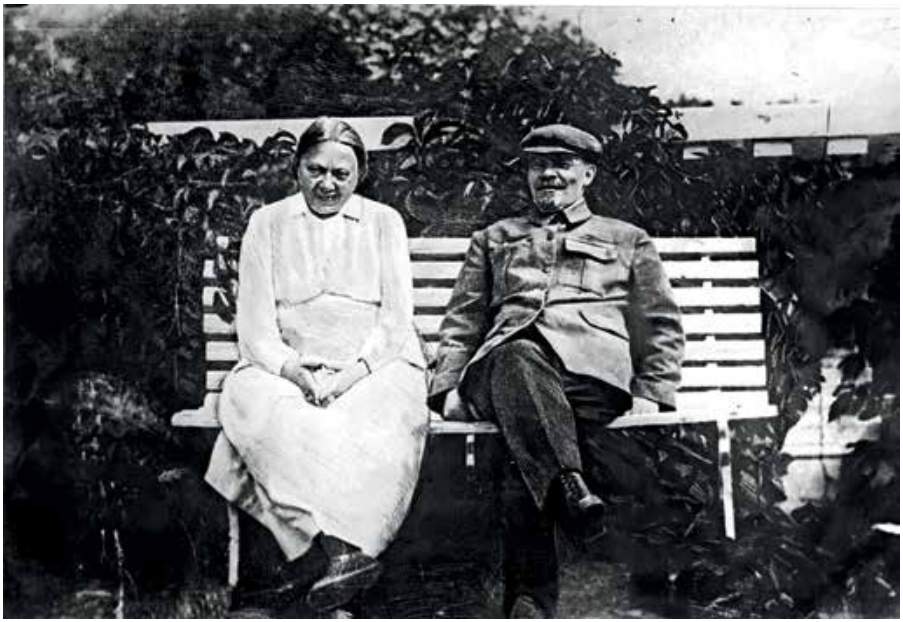
– Чтобы преодолеть эту гибельную неустойчивость, нам необходимы крепкие заградительные отряды из коммунистов и вообще боевиков, – говорил я Ленину перед отъездом на восток. – Надо *заставить* сражаться. Если ждать, пока мужик расчухается, пожалуй, поздно будет.

– Конечно, это правильно, – отвечал он, – только опасаюсь, что и заградительные отряды не проявят должной твердости. Добер русский человек, на решительные меры революционного террора его не хватает.

Но попытаться необходимо».

В. И. Ленин произносит речь на заседании III конгресса Коминтерна в Андреевском зале Кремля. Москва, июнь – июль 1921 г.

Попробовали, получилось! Но справедливости ради надо отметить, что большинство сражавшихся на стороне красных убежденно шли воевать за лучшую долю, за землю, за национальное равенство, за социализм и мировую революцию. Эти и подобные им лозунги завораживали людей, но умирать никто, конечно, не хотел. Заградительные отряды делали людей более решительными убийцами соотечественников, не разделявших эти лозунги. Убежденными убийцами за убеждения!



В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках. Август – сентябрь 1922 г.

Второй эпизод еще ярче высвечивает ленинскую натуру. В августе 1918 г. он писал местным руководителям:

«Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к *беспощадному* подавлению. Этого требует интерес *всей* революции, ибо теперь везде «последний решительный бой» с кулачьем, образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить… *дабы народ видел*) *не меньше 100* заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них *весь* хлеб.

4) Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме.

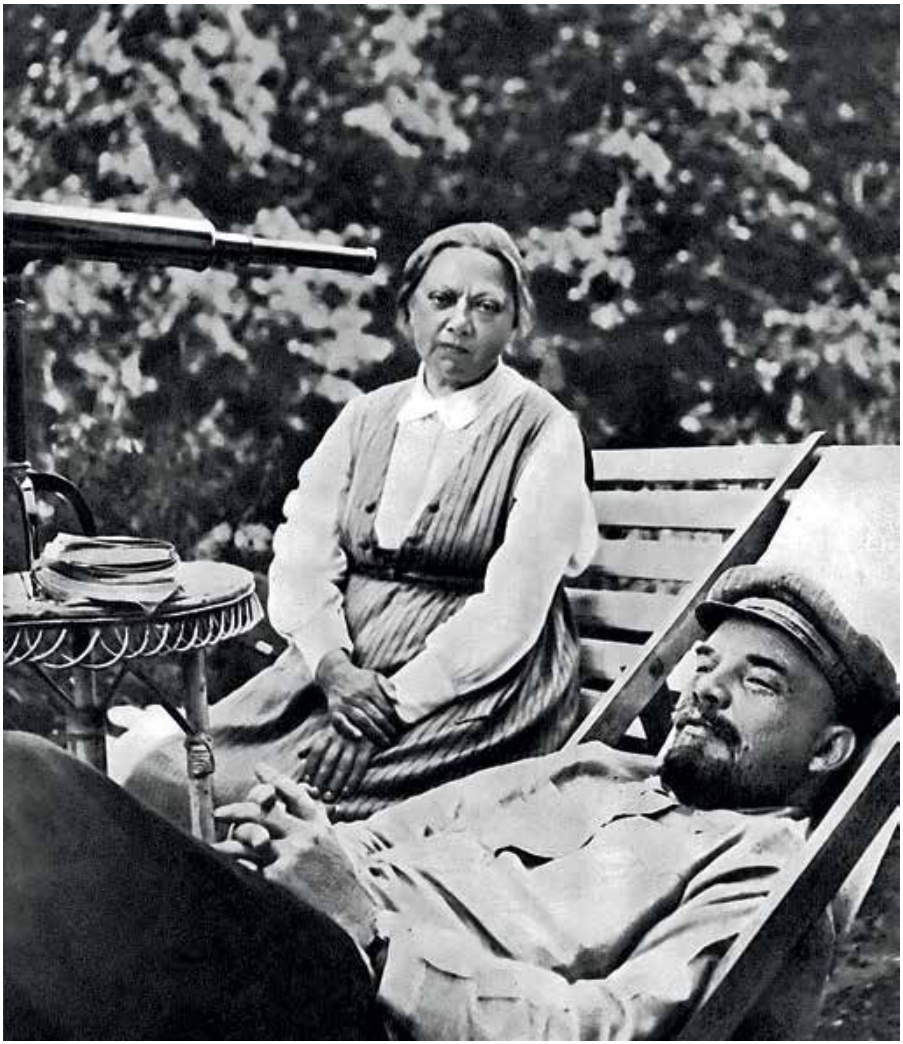
Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: *душат* и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение *и исполнение*.

Ваш Ленин».

Лично следил за «*исполнением*»!

На этом фоне в годы Гражданской войны Ленин достиг еще одной жизненной вершины: он расцвел интеллектуально и физически. Осенью 1919 г. Ленина посетил известный русский писатель А. Куприн. Он оставил наиболее правдивый и живой словесный портрет или, как он его назвал, «Моментальную фотографию».



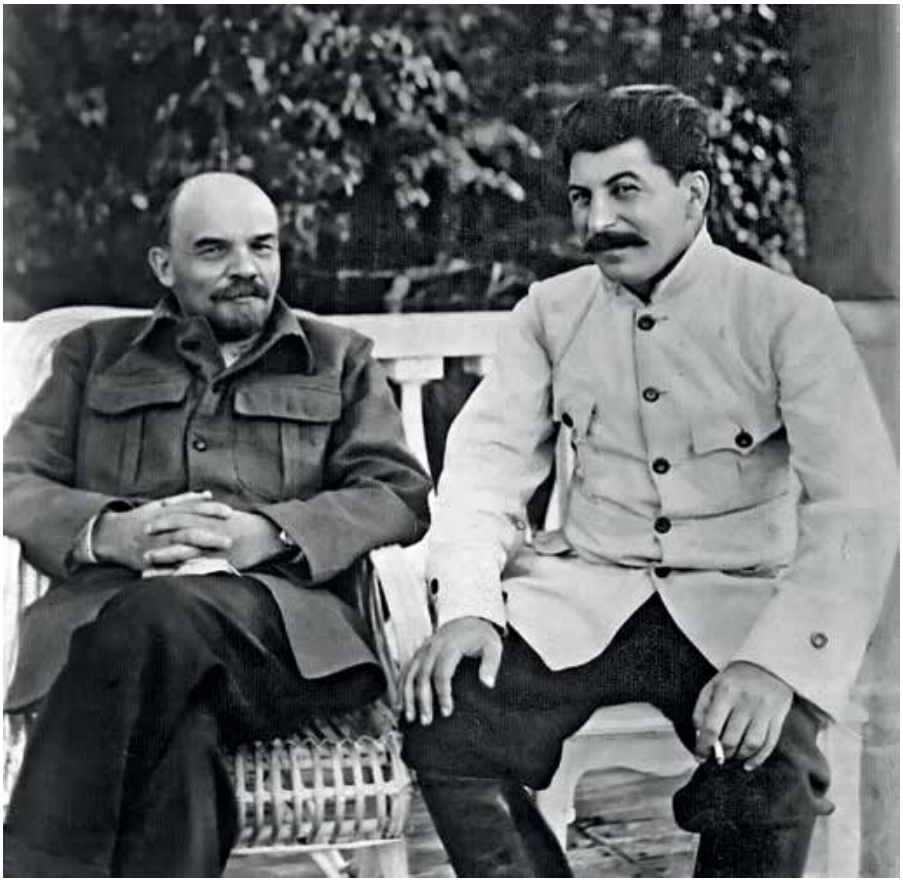
В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках у телескопа. Август – сентябрь 1922 г.

«Свидание состоялось необыкновенно легко. Я позвонил по телефону секретарю Ленина, г-же Фотиевой, прося узнать, когда Владимир Ильич может принять меня. Она справилась и ответила: «Завтра товарищ Ленин будет ждать вас у себя в Кремле к девяти часам утра». В проходе башни Кутафьи мы предъявили наши бумаги солдатскому караулу. Здесь нам сказали, что тов. Ленин живет в комендантском крыле, и указали вход в канцелярию. Оттуда по каменной, грязной, пахнувшей кошками лестнице мы поднялись на третий этаж в приемную – жалкую, пустую, полутемную, с непромытыми окнами, с деревянными скамейками по стенам, с единственным хромым столом в углу. Из большой двери, обитой черной рваной клеенкой, показалась

барышня – бледнолицая, с блекло-голубыми глазами, спросила фамилию и скрылась. Надо сказать, нигде нас не обыскивали».

Затем Куприн попал в «просторный и такой же мрачный и пустой, как передняя, в темных обоях кабинет. Три черных кожаных кресла и огромный письменный стол, на котором соблюден чрезвычайный порядок. Из-за стола подымается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромает на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то «облическое», что-то крабье. Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная, ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. На нем скромный темно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольской; белый отложной мягкий воротничок, темный, узкий, длинный галстух. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите».

В течение короткой паузы зоркий глаз писателя фиксирует: «Ни отталкивающего, ни величественного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх, но эти черточки не слишком монгольские; таких лиц очень много среди «русских американцев», расторопных выходцев из Любимовского уезда Ярославской губернии. Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит в фотографических ракурсах. Впрочем, на фотографиях удаются правдоподобно только английские министры, опереточные дивы и лошади.



В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках. 1922 г.

Ленин совсем лыс. Но остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Какое великолепное здоровье!.. Кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков. Подыскивая сравнение к этому густо и ярко-оранжевому цвету, я раньше останавливался на зрелой ягоде шиповника. Но это сравнение не удовлетворяет меня. Лишь прошлым летом в парижском Зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: «Вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз!» Разница оказывалась только в том, что у лемура зрачки большие,

беспокойные, а у Ленина они – точно проколы, сделанные тоненькой иголкой, и из них точно выскакивают синие искры.

Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который неоценим для трибуны. Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок – давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком». Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности. Вот, кажется, и все. Самого главного, конечно, не скажешь; это всегда так же трудно, как описывать словами пейзаж, мелодию, запах…

Ночью, уже в постели, без огня, я опять обратился памятью к Ленину, с необычайной ясностью вызвал его образ и… испугался. Мне показалось, что на мгновение я как будто бы вошел в него, почувствовал себя им.

«В сущности, – подумал я, – этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же – нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И при том – подумайте! – камень, в силу какого-то волшебства – мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая– уничтожаю».

Лучше не «сфотографируешь». По моему мнению, описание Куприна огненно-рыжего со светящимся лицом вождя было взято за основу для создания экспоната, ныне лежащего в Мавзолее. Судя по деталям, современный кабинет Ленина, который располагался в Кремле, а теперь собран в Горках, был сфальсифицирован еще в сталинские времена. Кроме того, там появилась мебель, отделанная карельской березой. Похоже, что она уже из сталинского кабинета. Приведенный «моментальный снимок» Куприна не очень соответствует современной экспозиции.

Конец

Гражданская война закончилась полной победой красных. До сих пор никто не знает точно, сколько погибло людей на всех фронтах всех воевавших сторон. Называют цифру в 10 миллионов, но разве подсчитаешь тех, кто мертвым был брошен в степях и лесах, сожжен в амбарах или в бочке, как Каплан, был утоплен в реке в запертой барже, расстрелян в подвалах и закопан в глухой яме, как царская семья? Вспоминается одна архивная фотография: казак присел на корточки перед горкой отрубленных офицерских голов. Но в ноябре 1920 г. война закончилась взятием Крыма, а уже в феврале 1921 г. против большевиков поднялся Кронштадт, та самая военно-морская база, матросы которой составляли костяк Октябрьской революции. В том же году начался невероятный по своим масштабам голод, а Ленин воспользовался этим моментом, для того чтобы конфисковать имущество православной церкви и получить благотворительное подаяние продовольствием от ненавистных буржуев-американцев…

И. В. Сталин у гроба В. И. Ленина.

И все же по итогам Гражданской войны, по трагическому

положению, в котором оказалась страна в эпоху военного коммунизма, Ленин понял, что надо круто менять курс, резко осадить назад. Он всегда очень неординарно мыслил и смело отказывался от собственных догм, но не от власти, а ради нее. В конце лета того же года подписал «Наказ», которым провозглашалась новая экономическая политика. Под строгим контролем государства было разрешено частное предпринимательство, торговля и, в узких границах, свобода художественного творчества. И в то же время – сотня выдающихся людей России была насильно посажена на пароход и выслана из страны. Надо благодарить его за то, что не расстрелял, как бешеных собак, не заморил голодом, не сгноил в ссылке, как это позже делал Сталин. Но интеллигенцию он все так же не любил и презирал «за дряблость», «за мягкотелость», «за либерализм», публично называя ее «говном нации».

Похороны В. И. Ленина. Москва, январь 1924 г.

В те годы, пока проводился НЭП, страна не голодала. Выполнение заявленной программы социалистического переустройства России и всего мира начинало приобретать новые, более гуманные черты. Но, судя по всему, Владимир Ильич Ульянов-Ленин завершил ту программу, которую в него заложила божественная судьба или равнодушная природа, и в конце мая 1922 г. его настиг первый удар (инсульт), связанный со склерозом

сосудов головного мозга.

Болезнь была наследственной, предположительно от нее умер отец, Илья Николаевич. Пришлось переехать в подмосковную усадьбу Горки, приглашать зарубежных светил медицины, терять нити и рычаги управления государством. Еще до первого удара с его согласия во главе всей партийной механики был поставлен Сталин, который сумел сплотить против Троцкого большинство соратников Ленина. Партия раскололась. И хотя Ленин понимал, насколько серьезно его положение (однажды попросил Сталина дать яда), но, по моему мнению, до последнего момента он надеялся сохранить за собой рычаги управления. Уже малоподвижный, последними усилиями воли, Ленин 24–25 февраля 1922 г. продиктовал «Письмо» к собиравшемуся без него XII съезду РКП(б). Записку позже стали называть «Завещанием», но оно не было таковым. Видя, что Сталин повел себя излишне самостоятельно и фактически изолировал его в Горках, вождь (все еще вождь!) попытался создать модель «коллективного руководства». В «Письме» он всем без исключения лидерам, реально претендовавшим на власть, дал отрицательные характеристики. На место Сталина предложил подобрать какую-нибудь менее амбициозную фигуру и ввести в состав Политбюро «от 50 до 100 рабочих». Так Ленин пытался из своей постели восстановить контроль над Политбюро через более подходящего посредника и «наблюдательный совет» из новых людей. (То же самое попытался соорудить Сталин перед своим концом.) Но давние соратники сообща не позволили этого сделать.

А затем удар последовал за ударом, Ленин окончательно потерял речь, подвижность и разум. Последние фотографии бывшего вождя производят тяжелое впечатление. Некогда «раскосые, золото – красные с синими искрами глаза» провалились в младенческую пустоту округлых очей. Ленин умер 24 января 1924 г., а потом началась история с бальзамированием, Мавзолеем и с мумифицированием живого ленинского образа на многие советские десятилетия. Сталин кощунственно встал на гробницу, как на трибуну, демонстрируя себя стране в качестве наследника вечно живого дела Ленина. На самом же деле он стоял на саркофаге и на том тлене, который в нем лежал. Ленин умер, как и было предначертано, морозным январским днем, и его дело также умерло вместе с ним и в тот же день.

Перебирая факты из биографии Ленина, мы наблюдаем удивительный феномен: чуть ли не единственный раз в истории России интеллигент в русском понимании этого выстраданного слова, мечтатель, утопист, страстный полемист, философ,

интеллектуал европейского рационалистического типа бесстрашно добывает власть, которую предполагает использовать во благо униженных и угнетенных. Не об этом ли мечтала демократическая интеллигенция России весь XIX век?! Но он оказывается неспособным к подлинному политическому и государственному творчеству, а главное, он оказался неспособным любить людей. Не «массы», «передовой пролетариат», «беднейшее крестьянство», «пролетарское государство», а человека как такового. Только тот государственный деятель, кто использует свою власть ради этого, очевидного дела, достоин ее. Ленин в изощренной форме использовал вполне материальное зло (террор и диктатуру) во имя призрачного, непонятного для него самого «добра» (социализма). Возможно, медленно и мучительно угасая в Горках, в поместье, отобранном у старой купчихи Морозовой, вдовы человека, помогавшего его партии бороться с царским режимом, он это осознавал? На этот вопрос мы никогда не получим ответа.

Тело В. И. Ленина в Мавзолее.

А Мавзолей с мумией и кладбище у Кремлевской стены не надо сносить. Его следует превратить в уникальный музей-памятник советскому тоталитаризму… Впрочем, он давно им

стал.

Главные даты жизни Владимира Ильича Ленина

22 апреля 1870 г.

В Симбирске, в семье инспектора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова и его жены Марии Александровны, родился сын Владимир.

24 января 1886 г.

Скоропостижно скончался И. Н. Ульянов.

1887 г.

20 мая

Казнь Александра Ульянова в Шлиссельбургской тюрьме.

25 августа

Ленин принят в Казанский университет.

17 декабря

Ленин арестован за участие в студенческих волнениях и исключен из университета.

1891 г.

Ленин экстерном сдает экзамены за курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета и получает диплом I степени.

1894 г.

Весна – лето

Ленин пишет книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов».

Знакомство Ленина с Н. К. Крупской.

1895 г.

7 мая

По поручению петербургских марксистов Ленин едет за границу, чтобы установить связь с группой «Освобождение труда» и ознакомиться с западноевропейским рабочим движением.

21 декабря

Арест Ленина в Петербурге.

1897 г.

10 февраля

Ленину объявляют приговор о высылке его в Восточную Сибирь на три года.

20 мая

Ленин прибывает в село Шушенское (Енисейская губерния).

1898 г.

13 – 15 марта

В Минске состоялся I съезд РСДРП, провозгласивший основание Российской социал-демократической рабочей партии.

22 июля

Ленин вступает в брак с Н. К. Крупской.

Июнь 1899 г.

Выходит в свет книга Ленина «Развитие капитализма в России».

1900 г.

10 февраля

Ленин покидает Шушенское.

3 июня

Арест Ленина в Петербурге. Освобождение через 10 дней.

29 июля

Ленин уезжает в Швейцарию. Начало первой эмиграции, длившейся 5 лет.

Осень – зима 1901–1902 гг.

Ленин работает над книгой «Что делать?».

12 апреля 1902 г.

Ленин переезжает в Лондон.

1903 г.

Май

Ленин переезжает в Женеву.

30 июля – 23 августа

В Брюсселе проходит II съезд РСДРП.

Май 1904 г.
Издана книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

1905 г.
22 января
Кровавое воскресенье в Петербурге.

25 апреля – 10 мая
III съезд РСДРП (Лондон).

26 – 27 июня
Мятеж на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

21 ноября
Ленин возвращается из эмиграции в Петербург.

22 мая 1906 г.
Ленин под фамилией Карпов выступает с речью на трехтысячном митинге в доме графини Паниной.

Сентябрь 1906 г. – декабрь 1907 г.
Первое финское подполье.

1907 г.
Февраль
По настоянию меньшевиков Ленин предстал перед судом партии.

13 мая – 1 июня
V съезд РСДРП в Лондоне.

1908 г.
Январь
Ленин скрывается от полицейского преследования в Швейцарии.

Апрель
Визит на Капри по приглашению Горького.

Октябрь
Окончание работы над книгой «Материализм и эмпириокритицизм».

14 декабря

Переезд в Париж.

Ноябрь 1910 г.
Учреждение нелегальной «Рабочей газеты».

Июнь 1912 г.
Переезд в Польшу.

1914 г.
8 августа
Арест Ленина в Польше. 19 августа – освобождение.

Сентябрь
Отъезд в Швейцарию.

1917 г.
8 марта
Начало Февральской революции в России.

15 марта
Отречение Николая II.

16 апреля
Ленин прибывает в Петроград.

17 апреля
Ленин провозглашает «Апрельские тезисы».

16 – 17 июля
«Июльские дни» в Петрограде – массовые демонстрации против Временного правительства.

22 июля
Ленин уходит в подполье, скрывается под Сестрорецком.

Лето – осень
Ленин скрывается в Финляндии, пишет книги «Государство и революция», «Удержат ли большевики государственную власть» и ряд других работ.

23 октября
Конспиративное заседание ЦК РСДРП. «Вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», – считает Ленин.

6 ноября
Ленин отправляется в Смольный.

8 ноября
Зимний дворец пал. Декреты о мире и земле.

1918 г.
18 – 19 января
Разгон Учредительного собрания.

20 января
Ленин пишет тезисы о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира.

10 марта
Советское правительство переезжает в Москву.

17 июля
Расстрел царской семьи в Екатеринбурге.

30 августа
Покушение Ф. Каплан на Ленина.

16 сентября
Ленин возвращается к работе после ранения.

2 – 6 марта 1919 г.
1-й конгресс Коммунистического Интернационала.

19 июля – 17 августа 1920 г.
2-й конгресс Коммунистического Интернационала.

1921 г.
28 февраля – 18 марта
Кронштадтский мятеж.

10 августа
Ленин подписывает «Наказ СНК о проведении в жизнь начал НЭПа».

1922 г.
25 – 27 мая
Первый острый приступ болезни Ленина на почве склероза сосудов мозга.

15 декабря
Резкое ухудшение состояния здоровья Ленина.

24 – 25 декабря
Ленин диктует свое «Завещание».

10 марта 1923 г.
Новый приступ болезни, усиление паралича правой половины тела и потеря речи. Конец публичной деятельности Ленина.

1924 г.
21 января
Смерть Ленина.

27 января
Похороны Ленина.